

14 коп.

ЗКА
Щ-407

ЗНАНИЕ

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
педагогический факультет

11'79

Юрий Щекочихин

ТРУДНЫЙ ПОДРОСТОК

Ю. П. Щекочихин

ТРУДНЫЙ ПОДРОСТОК

Это маленькая книжка о ребятах, которые называются трудными. Большинство из них — это хорошие ребята, с ними только в какие-то моменты времени что-то не так. Как журналисты и писатели так, как говорится, в процессе их работы. Они не хотят, чтобы их назвали так еще раньше, чтобы с ними не считали в коллективе, школе, семье. Они приходят к тому, чтобы стать самостоятельными людьми, а где-то в этот момент они начинают бороться с теми, кто считает их трудными. Я вот сейчас пишу статью о том, что подростки в последние годы их время они проводят так, как они хотят, но так, как они этого не хотят, а даже было удивительно, что в их жизни было много и радости, и счастья, и любви. И в этот момент они начинают бороться с теми, кто считает их трудными. Я вот сейчас пишу статью о том, что подростки в последние годы их время они проводят так, как они хотят, но так, как они этого не хотят, а даже было удивительно, что в их жизни было много и радости, и счастья, и любви. И в этот момент они начинают бороться с теми, кто считает их трудными.

Иногда хочется, как будто бы выговориться, как будто бы для того, чтобы не было слышно, чтобы для того, чтобы говорить и не слышать, то, что они говорят, чтобы их никто не слышал.

Почему же так хочется выговориться, как будто бы для того, чтобы не было слышно, чтобы для того, чтобы говорить и не слышать, то, что они говорят, чтобы их никто не слышал.

Издательство «Знание» Москва 1979

1979

№ 11

Бр 800/80

97

97

74.9
Щ80

7 КР
Щ-407

Щекоцихин Ю. П.
Щ 80 Трудный подросток. М., «Знание», 1979.

96 с. (Нар. ун-т. Пед. фак., 11. Издается ежегодно с 1964 г.)

Двор, танцплощадка, бар, молодежное кафе — сюда, в этот мир, вход взрослым бывает затруднительным, а потому педагоги и родители слабо представляют, что же происходит в микросреде дворовых компаний. А ведь мир их удивительно сложен, населен разными, порой диаметрально противоположными нравственными устремлениями.

Автор рассказывает о людях, которые сумели занять подростков, отвлечь их от улицы, пытается вскрыть те психологические механизмы, познав которые, можно научиться направлять энергию, активность ребят в полезное русло.

60300

74.9

Вр. 800/80
Редактор О. Г. СВЕРДЛОВА

© Издательство «Знание», 1979 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта маленькая книжка о ребятах, которых называют «трудными». Большинство из них — мои хорошие знакомые, с ними вместе я провел много времени «по работе» и как журналист, и просто так, как говорится, в свободные от работы дни. Всего несколько лет назад мне еще удавалось сидеть с ними на равных в полусумраке квартиры, куда меня приводил какой-нибудь знакомый семнадцатилетний парень и где грохот магнитофона заставлял время от времени соседей звонить в дверь и грозить звонками в милицию. Я мог часами просиживать с ними на подоконнике в подъезде, слушать их вроде бы пустой для взрослого уха треп, но где каждое слово на самом-то деле было утверждением себя в глазах сверстников. И подходить к ним на более в парке. И бродить вместе по улицам. Но даже когда ребята знали, что я из «Комсомольской правды», это не сковывало их, а часто случалось и наоборот: заставляло говорить о себе и окружающих откровенно и безо всякой боязни «сказать не то».

И тогда я понял, как важно им выговориться, как серьезно для них, чтобы их слово услышали, чтобы дали право говорить и не называли то, что они говорят, «мальчишеским вздором».

Поэтому и в этой книжке постараюсь, чтобы вы как можно чаще слышали непосредственный голос самих так называемых «трудных подростков». Может быть, в их интонации вы различите что-то знакомое, и вот это знакомое поможет вам смелее вступить в диалог с ними.

Само словосочетание «трудный подросток» достаточно приблизительно. Ведь сами подумайте: подросток не может быть «трудным» все 24 часа в сутки, да и «трудным» его воспринимает отнюдь не каждый, с кем ему приходится встречаться в течение дня. Он может считаться «трудным» для учителя, а для соседей во дворе — воспитанным, можно сказать, домашним мальчиком, который всегда поздороваётся и никогда никого не обидит. Будет жаловаться мать, что сын или дочь растут «трудными», а в автоклубе или школьном астрономическом кружке на сына или дочь налюбоваться не могут: как все схватывает быстро, на лету, как помогает младшим, с каким удовольствием берет в руки швабру, ведро и драит пол. Наконец, мы сами часто вечерами встречаем группу подростков, которые кажутся нам и развязными и разболтанными, и задевающими прохожих и неизвестно на что способных, жмемся ближе к стенке, уступая дорогу, еще вслед скажем: «Жалко, дружинников рядом нет», а на самом-то деле эти ребята возвращаются с тренировки, и у них в мыслях не было кого-нибудь обидеть.

Поэтому в книжке я хочу показать не подростков, которые стали «трудными», а ситуации, в которых подростки бывают «трудными» и для родителей, и для общества, и очень часто для самих себя. Каждую ситуацию, в которую попадет сын или дочь вне родительского глаза, проанализировать невозможно, так же как и немислимо уберечь от любого, как мы говорим, «дурного влияния», но прогнозировать те моменты, в которые подросток может попасть в беду, все-таки, наверное, можно.

И наконец, еще одно.

Опыт детства, отрочества — единственный человеческий опыт, пройденный каждым без исключения, но именно этот опыт в отличие от любого профессионального, бытового, житейского забывается, чуть только мы перешагнем следующее десятилетие, и еще следующее, и еще одно. Он забывается, потому что, казалось бы, к чему ему помниться? Когда он еще может нам пригодиться? В какой еще жизни? И мы воспитываем детей исходя — ясно! — из своего не детского, а жизненного,

многолетнего опыта. Ну, а может, и тот, двух-трехлетний пригодится?

Все мы хотим, чтобы наши дети росли легко, вырастали «легкими». Но что значит «легко»? Сами-то мы, уже выросшие, разве росли легко? Я имею в виду даже не материальное благосостояние, которое у каждого поколения было свое. Вспомним, какие временами мучительные процессы происходили в нас самих, как нас тянуло к тому, к чему — убеждали нас взрослые — нас не должно было тянуть. Как мы искали, путались, ошибались и снова находили собственные дороги, лишь потом, по прошествии лет, понимая, что дороги-то эти уже давно всеми протоптаны. Как мы открывали истины, которые оказывались уже давно всеми открытыми.

Но это и есть взросление.

Поэтому давайте, размышляя о тех или иных трудных ситуациях, в которые, по нашему мнению, попадают подростки, искать выход из таких трудных ситуаций, используя не только свой собственный богатый жизненный опыт, но и пытаясь вновь возвратиться в годы собственного отрочества, представив себя на месте сына или дочери, поразмыслив, как бы ты сам поступил и почему же ты поступил бы так, а не иначе.

Не так-то просто, конечно, вспомнить, что мы чувствовали и думали в ситуациях, на взгляд взрослых — да и на наш сегодняшний взгляд — критических. Но давайте попробуем.

«Мы сидим за кустами, прислонившись к старому забору, который отделяет ипподром от улицы, а точнее, нас — от города...»

Трудно перестроиться, поймать ту шестнадцатилетнюю «волну»? Постараемся. Тем более что с этого старого ипподрома в южном городке, с этих сгущающихся сумерек, с этой компании ребят — пять парней и одна девушка — мне и хочется начать наш разговор.

Итак.

«Нас почти не видно, потому что кусты скрывают от посторонних взглядов, зато мы отлично видим все и всех.

Вон бежит собака. Вон человек в соломенной шляпе

и мятых брюках заглядывает под трибуну.

Сумерки. Тишина. В окнах домов зажигается свет, и взрослые принимают за свои вечерние дела, потому что они находят себе дело и вечером. Потом они включают телевизоры.

Хочется ли нам, чтобы было сейчас какое-нибудь дело? Не уверены. Хотя...

Солнце закатилось за трибуну ипподрома. Эх, где наши кони? Где пыль из-под копыт? Где азарт погони и радость наших побед?

Наступает вечер. Вечер в городе. В какой-то книжке написано, что ночь — это как бы пора влюбленных и злодеев. Ну, а вечер — это наша пора. Вечером город теряет свои привычные очертания, он начинает служить нам, хочет он того или не хочет.

Мы открываем первую бутылку, пускаем ее по кругу, а сами незаметно наблюдаем, все ли пьют поровну. Становится тепло, кровь начинает стучать в висках, хочется говорить...»

В тот вечер мы увидели этих ребят издалека, и хотя кусты надежно скрывали их, мы заметили и несколько голов, склоненных над чем-то там, на земле, и взмах юношеской руки, и блеск бутылки, по которой скользнул последний луч солнца.

Старым ипподромом город оканчивался. Рядом, прямо за забором, стояли новенькие стандартные дома — одинаковые сейчас, наверное, во всех городах, — универсамы, кинотеатр, кафе. В пространстве между домами бегала малышня: им этого пространства было еще достаточно. Мы шли к тем, кто вырос из этого пространства, как вырастают из коротких штанишек, кто вышел искать свое место в современном городе. Мы шли вместе с начальником инспекции по делам несовершеннолетних Олегом Алексеевым.

Что это за компания, почему они там собрались, вдали от родительского ока? Да и кто же вот так собирается? Какие подростки?

Давайте разберемся.

«ВО ДВОРЕ, ГДЕ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР...»

Помните?... «Все играла радиолы, где пары танцевали, пыля, все ребята уважали очень Ленку Королева и присвоили ему звание короля...»

Когда это было? Как далеки те дворы от нашего времени... Так далеки, что кажется, будто из-под иголки звукозаписывателя той старенькой радиолы вырывались даже не звуки вальса или фокстрота, а полонеза, менуэта.

Теперь не из окон — из-за стены слышатся звуки музыки, по-современному шумной, громкой, неистовой. И пары кружатся только лишь на конкурсах бальных танцев. И соседей своих мы знаем только в лицо, все больше втягиваясь в замкнутый мир наших квартир. И двор для нас становится только лишь промежуточной площадкой между домом и работой, домом и магазином, домом и другим домом. И двор все больше и больше теряет свои функции Двора, резиденции отрочества. Да и как различишь двор в современной прямолинейности микрорайонов?!

И все же: «во дворе, где каждый вечер... и пары танцевали... все ребята уважали...»

Все не так, как раньше, не так, как вчера, все по-новому, но точно так же, как и во все времена, тянет ребят туда, где можно узнать жизнь, себя, друг друга, туда, где их много, где, как сказали бы ученые, «они могут удовлетворить свою потребность в общении».

Да, современный город дает для такого удовлетворения немало возможностей: и культурно-просветительские (пойти вместе в театр, музей, на новую выставку),

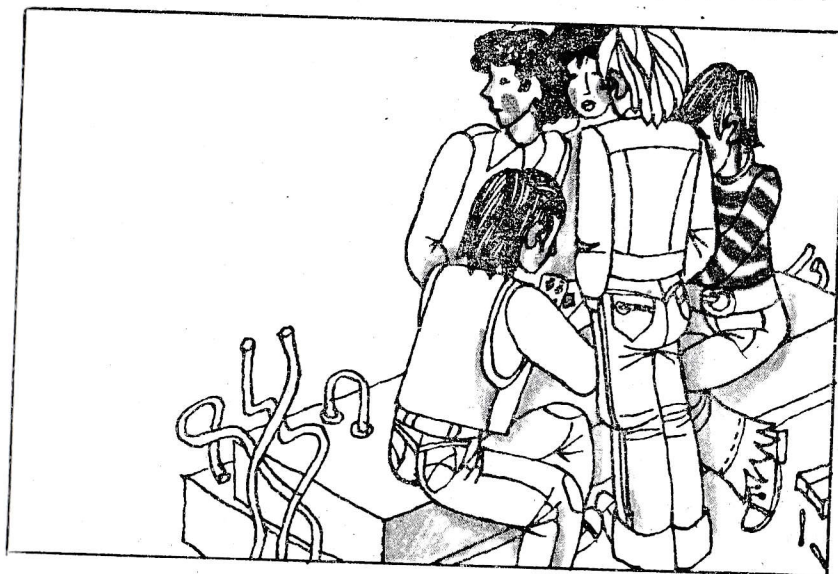
и спортивно-технические (сколько спортивных секций, сколько спортивных залов в наших школах, сколько кружков, станций юных техников и т. д.), и развлекательные (посидеть вместе на стадионе, пойти на концерт популярного певца, в кино, наконец), да и «квартирные» (сейчас все-таки у многих подростков есть свои отдельные комнаты в отдельных квартирах — приходи с друзьями, пожалуйста).

Мы говорим сейчас о ситуациях, которые очень часто нас, взрослых, ставят в тупик.

Почему же при том многообразии возможностей современного города некоторых ребят тянет именно в «подворотню»?

Давайте выслушаем их собственное мнение, тем более под руками у нас есть сотни писем, пришедших в «Комсомольскую правду», в «Алый парус».

«Выходишь на улицу, пошатаешься из угла в угол, потом встретишь приятелей, которые вышли на улицу от нечего делать. Идти некуда. Только разве что к кино-театру — на место всех встреч и сборов. Здесь можно увидеть и услышать что угодно. Собрались, постояли, поговорили, рассказали свежие анекдоты друг другу.

А что дальше? Дорога в «Гастроном». Рядом школа, в которой некоторые из нас учатся. И во дворе этой школы, за углом, под окнами пьем из горлышка, передавая друг другу бутылку...» (Николай Жемчужный, Кривой Рог).

Да, и вот так может начаться этот вечер для ребят. Но почему не иначе? Вот два мнения самих ребят:

«Сначала мы собирались в подвале нашего дома. Скучная обстановка: сетка от кровати и несколько ящиков. Мы играли на трех гитарах и самодельном ударнике, хотя рядом Дворец культуры, в котором пылится полный набор эстрадных инструментов. Вы, наверное, удивитесь, почему именно в подвале? А где же еще? Дома нельзя — слишком большая компания. Мы не только играли, а еще пели современные песни. Жильцам это не понравилось — нас попросили больше не петь. Гитары мы отнесли домой и от скуки стали играть в карты, а когда были деньги, и выпивать. Потом пришли дружинники и попросили нас разойтись по домам. Мы ничего не имели против и стали собираться в подъезде. Оттуда тоже попросили...» (Юра и Валера, Троицк, Челябинская область).

«У нас раньше в подвале был красный уголок, там — библиотека, бильярд, шахматы, шашки, организовали кружки — авиамодельный, судостроительный, радиотехнический. По праздникам проводили там вечера. Но скоро все изменилось. Ничего не стало. Библиотеку растащили, хотя библиотекарь — наш мальчишка — был против. Теперь мы часто собираемся в подъезде, играем в карты, шахматы, шашки. Однажды нас поймали с картами и привели в милицию...» (Ребята из г. Салавата).

Как и что ищут ребята на улице?

«Мы создаем свой идеал (если, конечно, создаем) под влиянием человека, который рядом с нами. Но вот сейчас он смотрит, как избивают товарища, а завтра будет так же хладнокровно и равнодушно смотреть, как избивают тебя. Значит, это не идеал? И тогда ты снова ищешь. Но ведь мы все немного слабые. На улице, когда нас много, легче всего стать сильным. Поэтому нас много» (Сергей Лунин, Свердловская область).

«Я считаю себя неблагополучным с 7-го класса. С, чего

началось — точно не помню. Но знаю — меня никогда не наказывали. Дома ходили вокруг меня на цыпочках (единственный сынок). Родители, видя, что я склонился над тетрадкой, не могли нарадоваться, а я же читал глупенькие книжки. Мне было завидно смотреть, как проходят по улицам парни с гитарами. Мне очень хотелось к ним. Вечером увидел парней с соседней улицы и наговорил гадости проходившей мимо девчонке. Меня признали своим. Особенно я подружился с вожак (Вороном). А осенью, когда он ушел в армию, власть перешла в мои руки. Я научился драться и теперь знаю, что меня многие боятся. Но только девчонка, которая мне нравится, со мной разговаривать не хочет. Может быть, так мне и надо. Хотя стоило бы ей сказать мне хоть слово, я бы все бросил. Но она на меня и не смотрит...» (Саша Суворов, Ачинск).

Почему эти ребята нашли свое место не в официальных коллективах (в школе, секции, клубе и т. д.), а, как говорят ученые, в неформальных группах? Их мнение.

«Я не блистал в школе знаниями. Получал тройки и частенько «пары». Много говорили обо мне на собраниях. Причем фигурировало только мое имя, точнее, фамилия. 39 человек смотрели на меня с презрением, каждый, как умел, высказывал свое пренебрежение. В свое оправдание я не говорил ни слова. Не потому, что не мог, а что-то подступало к горлу. Трудно все объяснить. В школу я больше не ходил. Завел дружок, которые «повидали жизнь». Не однажды мы наведывались в школу, поджидая своих обидчиков. Они уже не воспитывали меня, и куда только делась их деловитость. Я их презирал, в то же время презирал и себя... Меня всю жизнь окружали скептики. Весь мой бывший класс — это они. Ни во что не верящие, не стремящиеся заглянуть в человека глубже, они судят по внешнему проявлению. Правда, говорят, что внешнее есть проявление внутреннего. Но это не всегда так» (Леонид Васин, Иваново).

И еще.

«Как же часто ошибаются учителя и комсорги, когда говорят, что меня ничего не интересует, кроме хулиганства. Я учусь в девятом классе, не комсомолец (не приняли). Зовут Славкой. Учусь на одни тройки и хуже.

Общественной работой не занимаюсь (не доверяют). До восьмого класса еле-еле тянул на тройки. Все называли лодырем и т. д. А еще мне тогда нравилась девчонка Света. Но она сказала, что вообще мне чего-то не хватает. Конечно, ведь в классе на меня никто не обращал внимания. Тогда-то я почувствовал себя одиноким и очень слабым. Настало лето. Я решил всех удивить и за лето сделаться взрослым. Познакомился с одной веселой компанией, начал курить и научился драться. Когда я пришел в девятый класс, на меня уже обратили внимание, ребята меня «узнали». Да и попробуй что-нибудь сказать против. Мои новые дружки вечером после школы показали всем наглядный пример. А на школьном вечере та самая Светка пригласила меня на дамский танец. Но все равно, я понимаю, к чему может привести такая компания» (Слава С., Саратов).

Вот так постепенно складываются компании, которые заставляют многих взрослых ломать голову над тем, что же делать с такими ребятами. Как вы, наверное, заметили, мне хотелось постепенно показать и те отправные точки, которые заставляют ребят, по их мнению, выйти на улицу и искать себе подобных, и отсутствие — очень часто — иного варианта общения, и, наконец, те изменения, которые происходят в самом юном человеке, ставшем гражданином «планеты-улицы». Да, волнует эта проблема и самих обитателей подворотен. Многие хотят найти новый образ жизни, но не у каждого это получается.

«Подворотня» — как тряпина. Только чудо может тебя спасти.

У нас была равноправная компания. Меня никто не угнетал. Я — тоже никого. Все шло само собой: собрались, натрясли денег, выпили, прогулялись, подрались. Но однажды я задумался, чем это может кончиться. При первой же встрече с моими друзьями я выложил свои мысли. Сначала они подумали, что это ультрановая шутка. И только когда я еще раз повторил все и предложил последовать моему примеру, то есть начать новую жизнь, до «друзей» дошло. После переговоров мне была «объявлена война». Если не считать небольших потерь, как подбитый глаз, несколько удаленных зубов, вывих-

нутая рука и порванное пальто, можно сказать, что победа осталась за мной. Причем, как я узнал, двое последовали моему примеру. Я победил в трудной борьбе за самого себя...» (Юрий Л., бывший и, надеюсь, будущий десятиклассник, Иркутск).

«Пишет вам один из участников «великолепной семерки». Понимаете, я хочу жить, как все. Я уже пробовал порвать со своими друзьями, но не тут-то было. Меня преследовали, как затравленного, избили несколько раз, и я сдался.

А началось все так. Я и Алешка поздно вечером сидели в нашем парке, как вдруг подходит девушка и говорит: «Мальчики, вы не могли бы меня проводить домой, я одна боюсь». Первый раз в моей жизни, хоть мне и 17 лет, девушка попросила меня проводить ее домой. Я шел с ней и думал: неужели она не знает, что ее спутник — первый хулиган в районе. Когда мы подошли к ее дому, она сказала: «Спасибо». Первый раз в жизни мне так сказали. У меня на душе стало вдруг так легко и приятно, что я готов был не знаю что сделать, только чтобы мне хоть раз еще сказали «спасибо». В тот вечер я понял, что с друзьями мне не по пути. Но отвязаться не мог. Как-то раз, как всегда, они торчали в парке. И один из компании — Лиса (так его прозвали за хитрость) подзывает парнишку лет пятнадцати и требует у него денег. Лиса заставил его прыгать (если в кармане есть мелочь, то она зазвенит). Было унижительно смотреть на эту сцену. Я повернулся и пошел домой. После этого меня начали преследовать, и я снова в этой компании. Я как мог боролся, но увыв...» (Валерий К., Тбилиси).

Толстые пачки писем лежат передо мной. Штемпели на конвертах, еще неустоявшиеся буквы, уходящие вверх, во взрослость...

Мне очень дороги эти письма. Может быть, это лучшие письма, которые только могут прийти в газету.

А в начале каждого письма стоят слова: «Адрес — подворотня» — так однажды мы обозначили новую газетную рубрику.

Как появилась эта рубрика и совершенно неожиданные письма, которые пришли в редакцию, и часть из которых, очень малую, вы сейчас прочитали?

Я попытаюсь восстановить цепь наших размышлений еще в те дни, когда мы задумали вызвать на разговор неблагополучных.

Это было примерно так.

Знаем ли мы их?

Вот улица, яркие краски витрин, а потом — сумрак дворов и напряженность подъездов. Они стоят.

Одинокое прохожие обходят их стороной. На всякий случай. Дежурная милицмейская машина осветит их желтым светом фар — тоже на всякий случай.

Кто они?

Вот песни, которые они поют, — это что? А прически, которые они носят, — это зачем? А слова, которые они произносят, — это откуда?

Иногда мы смеемся над ними, иногда презираем. Или жалеем. Иногда боимся. Но знаем ли мы их?

Мы читаем много книжек. Телевизор переносит нас в самые дальние края. Мы говорим о пришельцах и, кажется, уже все знаем про них. Ну, а эти, кто живет с нами рядом, под одной крышей?

Понимаем ли мы их?

Вот эту девочку, неподвижно застывшую в подъезде возле калорифера? Вот этого мальчика, тяжело опустившегося на скамейку в парке с гитарой, как с автоматом, в руках? Вот эту компанию, которая идет мимо наших окон, и транзисторы в руках заглушают и их, и наши голоса?

Кто они? О чем они думают? Что ценят в нас, взрослых? А в себе? За что презирают нас? А себя? Когда они счастливы? И какое несчастье для них самое большое? Бывает ли им так же больно, как взрослым — ночью, когда лежишь без сна? Да и страдают ли они бессонницей?

Как много вопросов, как много сложных вопросов!

Вот так мы думали однажды вечером. Мы сидели и готовили очередной выпуск «Алого паруса». Левая стена в комнате заклеена большими кораблями и маленькими корабликами — эмблемами, которые каждый день приносила почта. На столах, полках, на полу, в мешках лежали письма. Что еще... Машинка, два телефона.

Если открыть дверь, то можно выйти в длинный редак-

ционный коридор, который один из наших коллег назвал «взлетной полосой аэродрома». Возможно, он был прав. Но огни — взлетные и посадочные — в этот поздний вечер на летном поле не светились. Нам было грустно. Работа не шла. Неожиданно остро мы почувствовали, что вот их-то мы и не знаем. Этих ребят, которые «не охвачены» всякими мероприятиями, не выступают на комсомольских собраниях и не пишут писем в газеты.

Мы решили, что-то надо сделать. Посидели еще, подумали и написали следующий текст:

«Ребята, которых называют неблагополучными! Вам не надоело, что о вас спорят, пишут, говорят педагоги, психологи, социологи, юристы — все, кроме вас самих? Будто ваша судьба вас самих и не касается. Хватит! «Алый парус» предлагает специальную рубрику. Правда, скептики утверждают что газет вы не читаете».

Эту маленькую заметку мы поместили под рубрикой: «Адрес — подворотня». Скептики в данном случае были мы сами.

Я не стану описывать следующие после выхода газеты дни. Сначала мы не верили, потом почти прыгали от радости, когда пришли первых два письма. Потом показывали всем и каждому первый десяток писем из «подворотни». Потом вместе с учеными из разных больших институтов разбирали огромные мешки писем.

И мы поняли, как им хочется сказать свое слово!..

Но прислушаемся еще раз к этому искреннему голосу. Что же все-таки так смущает нас в нем?

Почему эти ребята выбрали именно подворотню? Мы можем, мы обязаны искать причины, которые позволили этим ребятам из множества вариантов выбрать именно этот. Но как бедны они, выбрав именно этот вариант. И эта нравственная бедность, отсутствие жажды духовных потребностей в первую очередь ввели их в «подворотню» и сделали в нашем понимании «трудными».

Кто виноват в этом? Давайте разберемся.

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Двор, три скамейки посередине, окна, откуда каждый вечер выглядывают взрослые лица и пристально вглядываются в компанию.

Да, вот так я себе все и представлял, когда шел к этим ребятам в обычную, можно сказать, даже ординарную дворовую команду.

Несколькими днями раньше в редакцию пришло два листка в клеточку, вложенных в конверт, — письмо от компании. После убористого текста шли ровно двенадцать подписей, выведенных разборчиво и аккуратно, как подписываются люди, не достигшие еще восемнадцати. Первой стояла подпись Гены.

Вышел из троллейбуса, пересек широкую, запруженную машинами улицу, пересек сквер, нашел тот дом и двор. Они сидели на трех скамейках, тесно прижавшись друг к другу. Возле ног одного из них стояла гитара.

— Здравствуйте, — сказал я. — Ваше письмо дошло до редакции. Постараемся ваш конфликт с жэком уладить.

— Угу, — буркнул парень, к ногам которого прижалась гитара.

Глаза его смотрели на меня и на мир, который открывался за моей спиной, пристально и грустно. Да, в принципе ни на одном лице я не видел улыбки.

— Играешь? — кивнул я на гитару.

— Генка играл, — ответил парень.

— Генка? — вспомнил я первую подпись под письмом. — А где же он сам?

— Вчера вечером его увезли.

— Кто? Куда?

— Да милиция... Милиция. Его и еще двоих.

В тот вечер на трех скамейках сидели всего девять из двенадцати. Трое «из игры» выбыли...

На следующий день вместе со следователем районной прокуратуры мы поднимались по широкой лестнице учреждения, где до суда содержатся несовершеннолетние правонарушители.

Минут пятнадцать мы ждали, пока приведут Гену. «Входи», — сказала ему женщина в защитной форме с погонами.

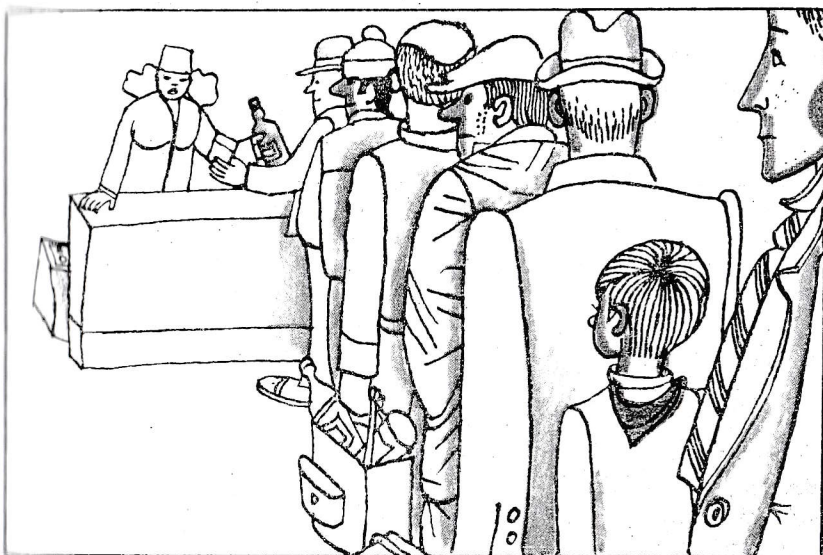
Решетка на окнах, табуретка задвинута в дальний угол, стул прибит крепко-накрепко к полу. Где они, три скамейки, сдвинутые в ряд посередине старого двора? Не близко. Уже не близко, хотя и ехать каких-нибудь полчаса. Увы, далеко.

Мальчик стоит перед следователем — глаза стараются взглянуть туда, за толстые стены.

— Гена, можешь сесть, — кивает следователь на табурет.

— На сколько, гражданин следователь? — мальчик выдавливает из себя улыбку.

— Рано, Гена, этому научился...

— А... Что уж теперь...

Взмах руки, как приказ к отступлению на заранее не подготовленные позиции.

Следователь скрупулезно выяснял детали преступления, часы с минутами, в какую сторону побежали, как он крикнул, кто был рядом...

А мне было интересно совсем другое. Я хотел выяснить, о чем Гена мечтал вчера, какую программу жизни намечал — может, как раз в этом и заключалась причина, по которой Гена здесь, за решетками, а не в своем собственном дворе.

Мечты у Гены были, можно сказать, обычные. По крайней мере он никогда не мечтал ограбить банк или напасть на инкассатора. Но — нормальные, земные. Не высокие. Но, может, и нельзя требовать от парня, чтобы мечты его и идеалы отвечали не только стереотипам его двора и улицы, а, к примеру, человечества. И взрослому это не всегда по силам. Но все-таки давайте посмотрим.

Мечтал Гена о том, что пройдут годы, он придет вечером на свой двор в военной форме (какой род войск — значения не имело) и с погонами лейтенанта, и мама на шею кинется: «Геночка!» И подойдут друзья, и положат руки на плечи: «Здорово, Геняч!» Гена точно не знал, когда это будет, почему вдруг военная форма, откуда он приедет — в мечтах такого рода не обязательна земная конкретика.

Больше вспомнить, о чем мечтал, Гена не мог. Да и большего, чем этот гляцевый образ, вроде бы и не было. Кроме разве еще одного: пока он будет учиться в каком-нибудь неведомом лейтенантском училище, его обязательно будет ждать девчонка, и обязательно дождется и тоже, как и мама, кинется на шею.

Почему меня так заинтересовали мечты этого парня? Потому, наверное, что не только у подростка — у любого взрослого человека — идеальное соседствует с реальным, и чем выше идеальное (не в зарплате, конечно, выше, не в лучшем гардеробе), тем насыщеннее и, можно сказать, чище оказывается жизнь: та, которая происходит на самом деле, в реальности: во дворе, на улице, в школе, дома, на работе.

Спорить о высоте идеалов Гены, наверное, нет смысла. Тем более что кроме конечного результата («Генка приехал...») никаких ступенек к достижению их намечено не было. Но как формировались его идеалы? Где? В школе? Дома?

Последние такты Генкиной мечты звучали опять же во дворе, в окружении тех же самых ребят, окон и трех скамеек...

Мы засиделись с ними допоздна. Так как идеалы все же накручивались на стержни-дни, мне было интересно узнать, как проходили дни во дворе.

Вот так:

— Иногда играем в футбол — летом, конечно...

— В секциях? Нет, у нас никто не занимается... Так. Сами...

— Обычно сидим здесь... Каждый вечер? Да, каждый вечер... Генка на гитаре что-нибудь сбацает.

— Нет, дома у кого-нибудь собираемся редко... Что там, дома, делать?

— Как-то раз ходили в поход... Ходили... Сашка Зуев еще в школе палатку брал...

— Особенно не пьем... Так... Понемногу.

— Надо нам хулиганить! Спросите любого из соседей — никто про нас плохого слова не скажет...

— В театр? Да нет, так, если только вместе с классом...

Вот так проходили дни и вечера в компании, во дворе. Случалось ли что-нибудь необычное?

— Это в каком смысле? В прямом? Подождите, надо вспомнить... Нет. Ничего...

О чем говорилось в те дни и вечера?

— Про кино... Про девчонок... Иногда про учителей. Про книги? Нет, про книги не говорилось.

Встречались ли в эти вечера взрослые, которые чему-нибудь научили?

— В домино дядя Коля Никаноров — мастер-ас...

— А чему они могут научить?

— Во... Однажды сделали теннисный стол, но потом его сломали... Это, правда, было давно.

Есть ли человек, который стал для них идеалом ну... хотя бы поведения?

— Лев Лещенко, — ответила девочка Таня, одна из троих в этой компании.

Они почти не читали книг («Не тянуло...»), не ахти как учились или учатся в школе («Не получается...»), не ходили в театр («Скучно...»), и не занимались в секциях («Не приняли...»). Можно назвать образ их жизни растительным. Но... Но они все-таки любили друг друга, тянулись друг к другу и скучали, когда приходилось сидеть где-нибудь одному. И это свойство человеческой души — потребность в общении, может, самое прекрасное из всех свойств, спасшее вон скольких людей от одиночества, нехороших поступков и неправильных и неправедных жизненных путей — не смогло спасти каких-нибудь двенадцать ребят от того, что трое из них совершили преступление. Не ради любви. И не ради друга. И не ради какого-нибудь изменчивого киноэстрадного героя. И даже не ради денег. А просто так. Случайно.

Итак, решетки на окнах, табуретка привинчена к полу... Гена рассказывает о том, как было совершено преступление.

— Сдали экзамен в школе... Решили с ребятами отметить... Да нет, в каком кафе... Сели на травке... Было-то всего две бутылки на троих... Решили пойти прогуляться... Мы же всегда гуляем... Что еще вечером делать?! Ну, идем... Курить захотелось. Идет мужик один мимо. Попросили у него закурить. Ну, он что-то буркнул... Понимаете, нам показалось, что грубо нам ответил. Догнали его. Вы бы не догнали, если бы вам нахамили? Он перепугался. Я ощупал его карманы — у него пачка «Беломора». Жмот! Разорвал пачку: половина ему — половина мне. А у него руки трясутся, и женщина, которая рядом с ним стоит: «Мальчики... Мальчики...» Тот мужик — трус жуткий. Стал рыться в карманах и вдруг вынимает десять рублей. Мы обалдели. Он думал, что мы его решили ограбить. А он вдруг сунул мне в руки деньги, и они побежали. Прямо по аллее. Если бы они не побежали, то ничего бы не случилось. Ну, а они побежали. Понимаете? Нет? Ну — как игра. Сработал инстинкт погони. Догнали. Ну, а потом он стал кричать. Еще и женщина, которая рядом с ним, — тоже. Володька

прижал его ножом. Легонько, чтобы только не кричал... И вдруг — милиция...

Это расшифровка блокнотной записи. Я ничего не прибавлял и не сводил концы с концами. Я хочу, чтобы и вы, как и я сам в тот момент, поразились не житейской элементарности преступления: большинство подростков-преступников действуют не по Сименону, да и вообще не подозревают, что действуют противозаконно, — а тому, как Гена рассказывает об этом. Будто об игре. Будто о невинной прогулке. Будто о мелкой ссоре с приятелем.

И именно это — самое страшное.

Наступал вечер. За окном, отделенным от города стальными решетками, садилось солнце. Гена спрашивает следователя, можно ли подойти к окну. «Можно», — кивает следователь.

Гена встает, медленно подходит и смотрит... Смотрит на улицу. «Где-то там ребята ходят, на гитарах играют...» — единственное, что произнес Гена перед тем, как его увели в камеру.

— Неужели только об этом жалеет он сегодня, — подумал в тот момент я.

Он мне, кстати, рассказал свой сон:

— Понимаете, будто по канату перелез через стенку, а прямо под ногами — новенькая «Волга». И к ребятам — во двор...

Еще потом долго я вспоминал этот разговор с Геной и с его приятелями из того двора. Я вспоминал и сравнивал с такими же — один к одному — историями, с которыми так часто приходится сталкиваться в нашей работе. Я пытаюсь понять, какой же диагноз можно поставить этой болезни многих ребят? Тот общий диагноз, куда бы вошли и все внешние приметы скучной, серой, растительной жизни, и собственная внутренняя жизнь подобных компаний, где — часто невидимо для глаз взрослых — проходит жизнь ребят, детей и взрослых учеников, и то, совсем личностное, что делает ребят посторонними для тех, кто занимается воспитанием.

И все-таки общее — это, наверное, неодоухотворенность жизни, тот нравственный климат, который не может дать подрастающему человеку ни высоких идеалов, ни

твердой нравственной закалки, необходимой на каждый день.

...Гена подходит к окну и пристально всматривается за стекло, туда, за решетку, в жизнь. Что он видит? Кого?

Все-таки он смотрит на нас, на взрослых, пусть даже не фиксируя осознанно наши слова и поступки.

Духовность поколению последующему может дать только лишь поколение предыдущее. И в этом, может быть, главный долг взрослого человека, долг родителей.

Человек ответствен прежде всего перед своими детьми. Но как связано все в нашей жизни. То, что ты совершил на глазах чужого ребенка, совсем тебе незнакомо и незамеченно тобой, равно тому, что другой, незнакомый тебе человек совершил на глазах твоего сына.

Вот почему, кроме самого Гены, виноваты и те, кто своей уже взрослой жизнью оправдал — в его глазах — и его собственные поступки. И никуда, никуда от этого не деться.

* * *

Как в кино проходят ежедневно перед нами сотни подростков. Мы смотрим на них, в уме, незаметно сами, для себя распределяя им роли: вот этот, сразу видно, мухи не обидит, а этот наоборот, готов, чтобы показать себя, избить случайного прохожего, вот тот — спешит в библиотеку, а тот — ищет как бы перехватить рубль на бутылку. Но ведь точно так же, как в кино, перед подростками проходим и мы, взрослые. А у нас-то перед ними есть преимущество: они в нас больше верят, в таких, какими нас видят, верят, что наши ценности все-таки непреложны.

Так что же делать, если уже сын или дочь каждый вечер, как на работу, отправляются из дома в свою, ставшую уже тревожной для всех компанию? Наверно, единственное: увеличить силу духовного притяжения нашего собственного дома, дать ценности выше, чем там, в «подворотне». Впрочем, если будут выше, то и поход в «подворотню» вряд ли будет страшен.

А начинается все с элементарного контакта с сыном или дочерью.

Вспомните те письма, которые пришли однажды в редакцию.

То, что узнали тогда мы, мы узнали только потому, что об этом невозможно было сказать собственным родителям, самым вроде бы близким людям.

Но вот ниточка этого контакта с сыном или дочерью протянута. И тогда можно найти решение многих вопросов не таким болезненным путем.

И тогда — искать поддержку не у знакомых хулиганов, а в собственном доме.

И тогда не бежать из школы сломя голову, а прийти и сказать: «Мне тяжело».

Но, конечно, как сложно бывает говорить с подростками! Хочется оборвать, поправить, сделать замечание, сказать, что так нельзя и так нельзя. Отругать за дружбу с теми, кто нам не нравится, и тем самым оскорбить сына, потому что в данный момент ничего выше этой дружбы для него нет. Посмеяться над его страхами и тем самым не понять, что этот, даже не юношеский, а детский страх сегодня есть часть его жизни. Схватиться за голову, узнав, что сын попробовал впервые вина, отругать, наказать и тем самым не понять, что он сделал главное — сказал вам об этом.

Выхода нет: чтобы был контакт, нужно настраиваться на эту «шестнадцатилетнюю волну», потому что ему — или ей — в силу возраста настроиться на нашу волну намного тяжелее.

И давайте попробуем вернуться снова в тот южный городок, на ипподром. Там, как вы помните, уже пошла по кругу бутылка. Представим, что дальше?

«...Становится тепло, кровь начинает стучать в висках, хочется говорить».

Фразы, слетающие с наших губ, не объяснят постороннему человеку, кто мы, почему мы здесь. Да об этом мы и не говорим. Но и слова «он врезал...», «ему врезали...», «он дал...», «ему дали...» — вовсе не означают, что только об этом ты думаешь в данный момент. Это как игра, в которой есть свои правила. Иначе мы можем не понять друг друга. А тот, один из нас, пускает синий дымок в небо небрежно бросает: «зона», «барак», «колючка».

Холодок подступает к горлу. Страшно интересно...

Собака бежит, и ничего ей не надо — только бы бегать. Соломенная Шляпа находит под скамейкой пустую бутылку, смахивает с нее пыль, бросает в мешок.

Еще большая сумятица в мыслях: склоняется в выраже мотоцикл — и на нем мы. Там — девчонки, которых не встретишь на наших улицах: красивые, как на журнальных обложках, и — улыбающиеся нам. Там — хоккейные ворота и ансамбль «Добры молодцы»: это мы ловим безнадежные шайбы, это в наших руках гитары. А еще там — тот, один из нас, и — холодок к сердцу. А если самому испытать то ощущение: хлюпик перед нами в темном переулке, у которого дрожат колени? Страшно интересно.

А за всем этим еще одна мысль — острая, как удар в солнечное сплетение: а если и мы вот так же — в мятых брюках, в соломенной шляпе — будем ходить между скамейками с мешком и собирать пустые бутылки? Нет-нет. Так неинтересно. Такими мы не станем... А вдруг?

Вторая бутылка идет по кругу. Хорошо...

* * *

Да, это вновь старый ипподром, на краю города, с которого мы начали наше путешествие. Мы идем к ним навстречу и нам не хочется, чтобы они при виде нас вскочили и убежали. Нам нужно увидеть их, чтобы еще и еще раз понять.

УВЛЕЧЕНИЯ И «ПРИКЛЮЧЕНИЯ»

По улице шли гуси и стоял великий зной, от которого желтели в полях так и не поднявшиеся колосья. Улица была в кочках и выбоинах, и виднелись редкие клочки асфальта. Как заплаты на протекторе мотоцикла.

Был полдень, жаркий полдень. Будни. Мотобог скрывался от жары в зарослях возле огородов. В руке у мотобоба были зажаты шесть карт, а рядом на траве лежали другие — мото-, радио- и магнитофонобоги.

— Ну, давай, ходи, — сказали мотобобу. Он поднял карту, и в эту самую минуту появился Володя Шестаков из уголовного розыска и я.

— Здравствуй, Игорь, — сказал Володя, и червонный валет повис в воздухе, как парашютист в затяжном прыжке. — Пойдем-ка с нами...

Минут пятнадцать назад сержант Иванов из районного ГАИ рассказывал нам про «очень веселый», как он сказал, вчерашний случай: «Пацан, значит, меня заметил — и на разворот. Я за ним, кричу: «Стой!» Увеличиваю скорость — он тоже. Объезжаю его — он в сторону. Я из «Жигулей» кричу: «Остановись!» — не слушает. Ну, наконец, обгоняю — и, легонько, жезлом по плечу. Остановился и на меня чуть ли не с кулаками. Ему же нельзя близко к мотоциклу подходить, а не то что гонки с ГАИ устраивать. Мотоцикл отобрал, сейчас он у нас во дворе стоит. Уже бабка его приходила...»

Вот и дом: палисадник, сад в глубине, на крыльце — бабушка. Взгляд у нее тревожный.

Сарай — летний дом Игоря, его неприкосновенная резиденция. Полусумрак, маленькое окошко, кровать,

два старых стула. На полу — гиря и гантели. На стенах — цветные фотографии: парни в шлемах, руки сжимают рули «Яв» и «Харлеев».

— Каждое утро? — киваю я на гири.

— Ага, — отвечает Игорь, — каждое утро. 25 раз — пудовую.

Чем он занимается целыми днями? Речка, сидение с приятелями в кустах, гантели и гири, боксерские перчатки (секция самодеятельная, и не секция даже — так, обмен ударами), вечером гуляет с девчонкой. Вот круг его занятий. Можно было расспрашивать его дальше и смотреть на его жизнь пристальней — большего вы не найдете. Большим был мотоцикл. Его отобрали в первый же день, как он принялся его обкатывать...

А потом было утро. Суббота. Я шел по пыльной улице и искал еще один дом в этом городке.

Об этом человеке я услышал в поезде, когда ехал в этот город. «Есть там такой Толяныч — он всех заводит». Потом в милиции: «Есть у нас такая знаменитость...» Потом от ребят на улице: «Толяныч — это человек».

Я шел к Толянычу, авторитетному парню среди тех, кто умеет и любит драться, чтобы задать ему вопрос, хотя, конечно, одним вопросом не обошлось.

— Толя, я — из «Комсомольской правды»...

— А... — сказал он и протянул руку. — Привет.

Рука была исписана синими узорами — татуировкой.

— Был? — спросил я.

— Да, — ответил Толяныч. — По 206-й. За хулиганство.

— Толя, — сказал я ему. — Так больше продолжаться не может.

— Понимаю, — важно кивнул Толяныч, будто мы с ним сидим за круглым столом чрезвычайно важного международного совещания. — Самому долбанули по голове, — и он легонько прикоснулся ко лбу, где еще оставались следы той недавней крупной драки.

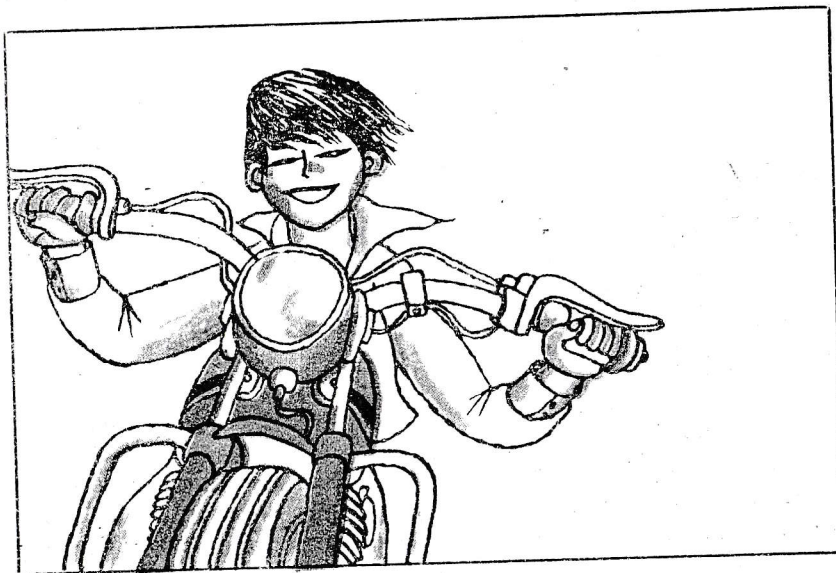
— Толя, скажи, пожалуйста, почему именно так ведут себя твои знакомые ребята?

— Тоска зеленая. Летом еще ничего — речка и так далее, а зимой напьешься и потом ничего не помнишь — с кем дерешься, из-за чего...

— Толя, скажи, пожалуйста, что нужно сделать в городе, чтобы жизнь была интереснее, чем сейчас, и спокойнее?

— Подумаю...

Он будет думать минуты три. За это время я объясню, что этот вопрос я уже задал множество раз ребятам городка. Они отвечали: «открыть молодежное кафе», «создать клуб радиолюбителей», «построить стадион», «создать клуб самбистов», «осветить танцплощадку», чтобы меньше дрались», «открыть картинную галерею», «сделать клуб филателистов», «открыть пункт проката мотоциклов», то есть предлагали сделать то, что в этом конкретном городке еще не создали, не успели или позабыли создать. Мотобог Игорь сказал, что надо обязательно создать клуб юных авто- и мотолюбителей и секцию мотобола. Я понимал ребят, хотя, конечно же, не одни секции, клубы и кружки могут сделать жизнь насыщенной, интересной и одухотворенной. Здесь такой круг проблем, что убери хоть одно звено из этого круга, и даже самая сногшибательная секция окажется бессильной помешать какому-нибудь мальчишке безжалостно растрчивать время.

Толяныч потянулся и сказал:

— Я бы понаделал на каждом шагу пивных точек. Нет, серьезно. Что, лучше что ли водку пить?

И усмехнулся.

Вот такой был второй дом в городке. Третий дом был, так сказать, мифическим, потому что домом он стал для Лени совсем недавно.

— ...Как тебя зовут?

— Леонид, — вытягивается мальчик.

— Леня, — говорю я ему. — Расскажи, пожалуйста, свою жизнь...

Вот что рассказал четырнадцатилетний Леня, ожидающий суда в камере предварительного заключения.

«Проводили мы время так: прогуливались каждый вечер по площади. Пили вино. В секции я не записывался, хотел в бокс — не приняли из-за зрения. Записан в двух библиотеках — нравятся книги про войну. Вообще люблю смелых людей. Любил технику. Велосипеды с моторами «брали» по ночам — замки ломали. Катались, ездили на них на рыбалку. «Брали» и мотоциклы — два раза. На «Вятке» ездил Васька. Жизнь была, как в кино. Из нас никто ничего не боялся. Однажды взяли боксерские перчатки. Занимались. Мечтал стать гонщиком. Брат очень расстроился, когда все это случилось. Он в меня верил...»

Рассказ этот бессвязен, и, чтобы связать концы с концами, нужно было бы привести уголовное дело о группе четырнадцатилетних подростков, совершивших четырнадцать «технических» и «спортивных» краж. Не для продажи, не для наживы — для мальчишеских «приключений».

Один из группы — скромный и тихий Леня.

Вот такие три дома в городке.

Ну а теперь о самом городке, в котором они живут.

Чуть больше десятилетия назад стояло здесь большое село, районный центр, знаменитый тем, что в этих местах была разгромлена банда Антонова, а чуть раньше — прошло детство Рахманинова.

Город пришел сюда пятиэтажными домами, асфальтированными улицами, невиданной суетой на железнодорожной станции, куда со всех концов страны стали при-

ходить составы с материалами и оборудованием для большой стройки.

Дает первую продукцию завод. Стоят дома. Светится вечерами Дворец культуры. Проложены дороги, о которых могла только мечтать конница Котовского, громившая антоновские банды. Стоят гаражи, много гаражей — ведь в городе каждый шестой имеет машину или мотоцикл.

А в подвалах новеньких домов собираются компании ребят — с вином, сигаретами и прочими принадлежностями «вольной» жизни (недавно подвалы накрепко заколотили). Из гаражей уводят почти каждую ночь мотоциклы, как в бывшей деревне уводили коней. Из квартир — новых, благоустроенных — и старых частных домов несутся в эфир позывные «диких» радиостанций, всякие «монахи» и «резиденты» врываются в официальные волны. По улицам и современным микрорайонам ходят пьяные компании ребят, лихо топая по асфальту, распевая песни, и прохожие на всякий случай отходят в сторону.

Вот так «самоопределяются» некоторые современные ребята. Можно только сожалеть о том, что они не могут найти иного выхода своей энергии. Ведь большинство ребят этот выход находят, где бы они ни жили, в большом городе или в маленьком, райцентре или на селе.

Несколько раз со многими людьми подсчитывали мы места в городе, куда может пойти шестнадцатилетний человек. Мы старательно загибали пальцы. Раз — кино, два — танцплощадка... Все.

И самое-самое последнее об этом городке, так похожем на остальные, такие же маленькие новые.

Город, куда я приехал в командировку, давно был знаком мне. Много лет подряд я приезжал сюда на летние каникулы. Один лес был у нас с этими ребятами, одна река. В этом городе остались мои друзья и много знакомых. Когда поезд делал поворот и я видел серые контуры элеватора, становилось сладко и грустно, как бывает только в детстве.

Да, и мы искали приключений. Мы были мальчишками, а ведь только мальчишкам может показаться сквозь за-

весу пыли на дороге силуэт всадника, прижавшегося к седлу.

Шум урбанизации наполнил город, в котором я так часто бывал в детстве. Прислушаемся, в этом шуме мы услышим и рев мотоциклетных двигателей, и позывные радиостанции. Потому что на улице — конец семидесятых годов, и все чаще и чаще видят мальчишки сквозь завесу пыли контуры мотоцикла и парня, так же, как всадник, прижавшегося к рулю.

Новое время дает ребятам жажду новых приключений, и очень жалко, что такое прекрасное слово: приключения! — приходится иногда писать в кавычках, вкладывая в него какой-то иной, негативный смысл.

Но ведь тот же мотоцикл может стать другом юного человека. Как? Давайте разберемся. Для этого перенесемся из маленького городка в большой, да еще в тот город, откуда вышли первые советские мотоциклы...

За окном гостиницы «Ижевск» расстилалось пустое белоснежное поле. «Из окон гостиницы открывается вид на площадь с фонтанами...» — было написано в рекламном проспекте. Фонтанов не было: видимо, они были напрочь занесены снегом. Зато был поздний вечер, улицы без единого человека и холодный шум ветра. Больше ничего. И вдруг этот свистящий шум за окном пререзал другой звук — напряженный и страстный, тот звук, который колыхнет сердце, будто тебе снова пятнадцать лет. «Неужели?.. — подумал я. — В такой час? В такой гололед?» Но звук нарастал и нарастал, он рвал, как фольгу, ночную тишину, и уже не оставалось никаких сомнений: да, в такой час, в такой гололед.

Это было вечером. А утром сквозь широченную приемную, заставленную селекторами и телефонами, я прошел в кабинет технического директора «Ижмаша».

— Да, — сказал технический директор, когда выслушал, зачем я пришел. — Мне легче сказать, сколько мотоциклов мы выпустили в прошлом году, сколько выпустим в этом. Мне легче дать техническую характеристику нашему производству, чем...

— Но... — прервал я, извинившись, технического директора. — Каждый в нашей стране — воспитатель. В том числе и хозяйственный руководитель. Вы же, наверняка,

не раз думали о том, в какую сторону мчатся на ваших мотоциклах ребята?

— Да, думал, — поразмыслив, признался он. — Конечно думал. И не один раз...

Если вы не бывали в Ижевске, то просто представьте себе, что вас занесло сюда восточными или западными ветрами. Вы, спустившись с небес, едете в аэрофлотском автобусе в город и вдруг, вместо огромного панно «Город Ижевск» вас встречают два мотоциклиста на постаменте, поднявшие на дыбы свои «ижи». На какой другой дороге вы увидите таких всадников? Давайте взглянемся в автобусное стекло и увидим в этом снеге ситцево-сатиновое лето 1929 года.

Вот мчит по улицам Ижевска (каким он был тогда — нетрудно представить), распугивая ошалелых кур, тяжелый, как танк, мотоцикл. Давайте удивимся его шуму, его грому, его виду, как сейчас мы удивляемся, если вдруг на наши улицы ненароком забредет лошадь. Вот так промчался по улицам Ижевска самый первый Иж-1. И так все началось.

Сквозь сегодняшнюю поземку медленно расплывается, как во сне, силуэт того самого первого мотоцикла. Куда же он едет? Тот-то мы знаем, куда: напрямик в музей «Ижмаша», на вечный прикол. А его младшие братья, трудяги — металлические внуки, спортивные правнуки?

Я знаю, куда, да и вы, наверное, тоже догадываетесь. Туда же, куда ушли, написанные не для детей, для взрослых «Айвенго» и «Робинзон Крузо», в ту же самую сторону, куда закатился придуманный серьезными взрослыми футбольный мяч.

Молодеет прямо на глазах мотоцикл.

В ГАИ МВД Удмуртской АССР сообщили, что ежегодно почти половина всех прав на вождение мотоцикла выдается несовершеннолетним, то есть ребятам от шестнадцати до восемнадцати лет. А сколько восемнадцатилетним, двадцатилетним? А сколько четырнадцатилетних ездят по городу, «хотя им еще «не положено»?

Но права — это что, это бумажка. Права — это не мотоцикл. Мотоцикл может быть у отца, может — у соседа. Может так просто стоять тихонько на улице (представьте

себе, что в городе, где почти каждый десятый имеет собственный мотоцикл, год от года не уменьшается количество мотоциклов, угоняемых ребятами). Ну, а еще мотоцикл может быть в мотоклубе, где кроме мотоцикла есть коллектив, тренер, друзья, учителя.

Еще в Москве я много слышал про ижевские мотоклубы. Но в самом Ижевске пришлось заняться арифметикой и, как оказалось, к сожалению, только на уровне первого класса.

В районном Доме пионеров — 20 человек, в мотоклубе «Ижмаша» — примерно (клуб спортивный, а спорт, как известно, отсеивает слабых) осталось 150 человек, и наконец, в клубе при школе № 24, который до последнего времени вел Анатолий Васильевич Новиков, — 120 человек. Сколько всего? Всего около трехсот ребят. Почти в три раза меньше количества ребят, получающих ежегодно права на вождение. И сколько же мотоциклов находится во владении всех клубов? 37 — подсчитали мы. Всего 37.

И это в городе, где всех гостей встречают гипсовые мотоциклисты и обгоняют мотоциклисты настоящие, где делают «ижи» и где мотоспорт стоит на одном из первых мест по популярности. Что же говорить о каком-нибудь другом, мотоциклетно-заштатном городе, населенном такими же, как и в Ижевске, лохматыми сыновьями научно-технической революции?

Подумаем над этим, а чтобы легче думалось, я постараюсь передать вам по возможности точно слова технического директора «Ижмаша».

Сначала не о мотоцикле, а про обыкновенный, школьный урок труда.

— Очень часто — и все мы тому так или иначе бываем свидетелями — на уроках труда стоят дети с напильниками и пилят железные болванки. Какой же это век? Какая эпоха? После таких уроков ребятам может прийти в голову, что и на заводе вот так точно же — неинтересно и бессмысленно. Нет, таким образом не привить им любовь к труду. Вы согласны?

Теперь про то, почему происходят такие казусы в наше время, когда человек и на Луне побывал, и даже первоклассники знают, что такое ЭВМ?

— Вы знаете, что у нас получилось? Вот это, — проводит технический директор рукой высоко над столом, — уровень развития науки и техники в наши, семидесятые годы, а это, — он почти прикасается ладонью к столу, — уровень развития индустрии (если, конечно, так можно сказать) для молодежи и подростков, куда входит все, начиная от тех же болванок в школьных мастерских и кончая мотоциклами. Вы видите, что получается? Огромное несоответствие. Но это только с одной стороны, а что получается с другой? А с другой — иное несоответствие: технических увлечений молодежи и профессиональной направленности этих увлечений. Понимаете?

— Не совсем, — признался я.

— Ну вот, как, по-вашему, почему мы так лелеем свой мото клуб? А ведь начинают заниматься в нем ребята с 12 лет — к нашему производству, кажется, они никакого отношения не имеют. Но мы должны думать о будущем. Я знаю, что после школы эти ребята придут к нам на завод. Они уже срослись с нами, они не просто гоняют на мотоциклах, они живут нашим производством. Мне кажется, что на любом предприятии можно найти, чем «зацепить» ребят.

Теперь о том, почему же так трудно это сделать.

— Воспитание — категория и экономическая, но перевернуть психологию хозяйственника ужасно нелегко. Знаю по себе. Однако дело не только в нашей психологии — дело в кустарном подходе к проблеме воспитания городского мальчишки. Знаете, на какой ставке находится у нас на заводе руководитель мото клуба? На ставке инженера. А по каким статьям мы передаем в клуб мотоциклы? Об этом даже не расскажешь. А мы все-таки завод. Представляю, сколько порогов пришлось обить Новикову, чтобы добыть для школы мотоциклы... Нет государственной системы индустрии для молодежи, а пока она не будет создана (вместе с соответствующим штатом педагогов, мастеров, психологов), неизвестно, по каким орбитам будут мчаться те же мотоциклисты.

Прислушаемся к словам технического директора «Иж-маша». Прислушаемся и в общественном смысле, и в нашем, личном.

Что тянет подростка на тот же мотоцикл? Что, за по-

купками в магазин ему на нем ехать? На работу? По делам?

Мотоцикл для подростка не столько средство передвижения, сколько средство самовыражения.

Помним ли мы об этом, оставляя эту сферу его интересов без внимания? Заботимся ли о том, чтобы было куда вкладывать свою энергию, которой, конечно же, побольше, чем у нас самих? Думаем ли мы о том, что подростку хоть как, но нужно показать себя, и если мы не подсказем как, то он найдет собственный выход из положения.

Однажды в редакцию пришло одно из тех писем, по которому надо немедленно выписывать командировку и мчаться туда, откуда отправлено письмо.

Вечером этого же дня я был в небольшом городке у Черного моря. Через три дня я встретился с Колей, пятнадцатилетним парнем, приславшим в редакцию странное и неожиданное письмо.

Первое впечатление: нагл.

— Дайте закурить, — просит он меня и разваливается в кресле, расставив широко ноги.

— Все, что ты написал в письме, — правда? — спрашиваю я строго.

Он пожимает плечами.

— Значит, ты глава банды из восьмидесяти человек, вас все боятся... ты едешь на мотоцикле «Ява»?

Он кивает головой и стряхивает пепел о краешек пепельницы.

Первое впечатление: курит совсем недавно, так недавно, что, наверное, ни один миллиграмм дыма не опускается ниже гортани.

— Далее. В парке, — я называю место в городе, известное здесь каждому, — ты собираешь свои «пятерки» и даешь указания, что и как делать. Правильно?

Он кивает головой.

— Вы ненавидите маменькиных сынков, трусов, подхалимов и вообще подонков и карьеристов.

— А вы разве нет? — спрашивает он.

Первое впечатление: совсем мальчишка, тоненькие ручки, лохматый, достаточно приличные джинсы, цепочка на шее.

— Итак, значит, иногда вы берете мотоциклы, и сто — сто десять километров в час мчитесь по шоссе. Работники ГАИ вас боятся.

— Не все, но некоторые, — уточняет он.

Что еще? Пожалуйста. Однажды, проезжая с друзьями вот так, на все 110, прижимаясь к рулю и выжимая газ, он первым увидел огненную змейку, пронзившую налившиеся хлебные колосья. Он первым стащил с плеча кожаную куртку и бил ею колосья, пока огонь не был остановлен. Немного обгорел — руки, лежал в больнице. Но поступили они так не для славы и какого-то уважения.

Что еще? Решили конфисковать деньги у одного гражданина, которые тот добыл абсолютно нечестным путем. Дело провели ночью. Втроем. Всего втроем. Милиция до сих пор найти не может следов.

Я смотрю на его тоненькие руки и ладони, которые стали влажными. Сигарета дымится в пепельнице — он забыл про нее, и серый столбик пепла дойдет сейчас до фильтра.

Забыл? Испугался?

Первое впечатление: трус. Боится, что сейчас я сниму телефонную трубку, наберу «02» и сообщу: «У вас есть нераскрытое преступление? Передо мной сидит один из его участников. Приезжайте!»

— У нас есть клятва. Устав. Из-за друга можем рискнуть чем угодно. Любим угонять машины. Только частные...

— А деньги переводите в детдома?

Он смотрит внимательно, смеюсь я или — по-настоящему, подбирается в кресле:

— Иногда в детдома.

Первое впечатление... Ладно, вы уже, наверное, все поняли. Конечно, нет никакой банды в 80 человек, нераскрытых квартирных ограблений, угонов автомобилей — это выяснить было не так уж трудно в соответствующих организациях. И пожара в хлебном осеннем поле тоже не было — и это проверить оказалось нетрудно. И мотоцикла, на котором можно выжать 150 километров в час (чего уж там мелочиться — 110...) — мотоцикла тоже нет. Ничего нет, абсолютно ничего. Факты, изложен-

ные в письме, по которому я тогда выехал в командировку, не подтвердились.

Но для чего же понадобилось этому парню придумать себе целую биографию?

Давайте разберемся.

Есть ли что-то страшное в мечтах? Кажется, нет. Да и мечты-то в основном высокие. Поле, вдруг неизвестно откуда взявшееся в душном летнем городе, и огонь, коварный и безжалостный, и этот мальчишка пятнадцати с половиной лет, абсолютно городской. Как для газеты. Или — как из газеты.

Но ведь горящие поля встречаются в жизни наших детей, да и в нашей собственной не так уж часто, а в его, конкретной жизни они так и не встретились. Конечно, мы можем сказать этому парню: всегда будь готов к тому, чтобы загасить огонь, спасти ребенка из полыни, отбить нападение хулиганов на незнакомую девушку. Но жизнь обыкновенная — она все-таки чаще без всяких экстремальных ситуаций.

Как же быть тут детям? Как реализовать свои мечты? Как добиться престижности среди сверстников?

В школе, кстати, удивились, что Колю разыскивает корреспондент. «Нормальный», «учится — четверки, тройки, мог бы лучше», «я не знаю, кто его товарищи, по-моему, их нет», «иногда уставится в потолок и абсолютно ничего не слышит», «хотел вывести двойку по физкультуре. Очень слабый мальчик, абсолютно не приспособленный к жизни».

Это мне сказали в школе.

А дома я застал только его маму. Отца у Коли нет.

«Он у меня домашний. Я говорю ему: «Ну ты хоть ребят к себе приводи или в гости сходи на день рождения...» Придет и, понимаете, ляжет на диван и может часов шесть, не вставая, слушать магнитофон... Сначала я думала, болеет. Сейчас привыкла... Джинсы — это ему брат двоюродный достал. Он моряк... Последнее время стал грубить... да кто из них в таком возрасте не грубит?... Мотоцикл? какой мотоцикл? да кто же на нем ездить будет? я, что ли?»

Ниточка жизни Коли, как я ее представляю: один у матери, которая его очень любит и делает все, чтобы

ему всего хватало и не было никакой нужды; дом, его маленькая комната; сверстники мужали в уличных боях, образовывали свой круг общения, куда сам он прийти не сумел — здесь, во дворе, он не смог утвердить свое право на собственную неповторимую личность; в школе можно было завоевать уважение, хотя бы учителей, учебой — не получилось; силой? — какая уж там сила у домашнего мальчика, ни разу в жизни не игравшего в футбол. Последнее время он окружил свою жизнь некой тайной, и ребята это заметили, но снова поздно — к концу девятого класса, когда отношение друг к другу уже сформировалось. Оставалось последнее — письмо в газету.

Это — предположение, гипотеза, и как всякая гипотеза, относящаяся к области человеческих отношений и самого человека, она может оказаться ложной.

Но как бы там ни было, вот этот, почти анекдотический случай с Колей еще и еще раз показывает, как нужно «что-то такое...» подростку: яркое, неожиданное, необыкновенное.

Как помочь найти ему истинную необыкновенность? Сделать это нелегко, тем более что самый легкий для родителей путь — финансовый — здесь подходит не всегда. Помните, мы только-только говорили о том, что ребята, имеющие свой собственный мотоцикл, увозят мотоцикл чужой?

Выходит, надо поднимать уровень мечты подростка, предоставлять ему большие возможности, чем могут это сделать привлекательные красочные «фантики»: механические ли, галантерейные или еще какие.

ДОМ И ДЕТСТВО

Однажды редакция попросила своих взрослых читателей продолжить фразу, которая была вынесена в начало очередного выпуска «Алого паруса». Фраза эта звучала так: «Хорошие дети — это...»

Родители с охотой и, как нам кажется, с удовольствием откликнулись на наше предложение: больше тысячи писем принесла почта.

За что же ценят родители своих детей и за что бы хотели ценить?

Вот несколько мнений:

«Хорошие дети — это люди среди людей. То есть, во-первых, у них проблемы огромные, человеческие, а не «детские», а во-вторых, они понимают, что и у окружающих — свои, тоже достойные уважения проблемы» (В. Х., Москва).

«Всего у меня двое детей — не мне, конечно, судить, хорошие ли они дети. Но то, что мы с сыновьями друзья, — это я знаю. Мне кажется, хорошие дети там бывают, где родители с ними по-хорошему живут — то есть не могут себе позволить не выполнить данное обещание, не обижаются на справедливую критику в свой адрес, не оставляют без ответа ни одного вопроса ребят» (А. С. Ярошевич, Ленинград).

«Я вот о чем. Они все канючат: «Купи то, купи это!» И ладно бы еще нужные вещи, а то тряпки, тряпки. За чем им столько тряпок?» (С. Никитин, Архангельск).

«Если они хорошие, то считаются с семейным бюджетом» (Е. А. Сапожникова, Белгородская область).

«...Болеют за свое будущее. Но никогда не позволяют

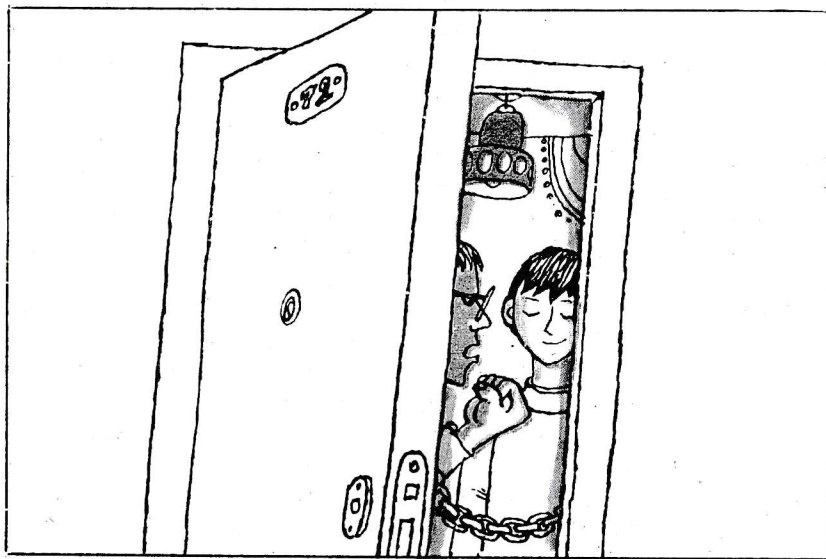
родителям расшибиться в лепешку и возобновлять полузабытые знакомства, когда сыну приходит время поступать в институт» (А. Трембачева, Москва).

«Знаете, что удивляет? Все родители хотят, чтобы дети росли хорошими, и в то же время боятся общительности детей, боятся их друзей, шума, суеты, взрывов на кухне... Огорчительная недалёковидность. Пусть будут взрывы — была бы любознательность, пусть будет и суматоха, и грязные полы — зато сын будет уметь дружить. Да и про свои тридцать пять забываешь рядом с ребятами» (семья из Красноярска, отец — летчик, мать — завуч школы).

«Мой Сергей вовсе не ангел с крылышками, но есть в его натуре главное — он порядочен, то есть не способен сознательно совершить подлость в отношении другого человека. И я за него спокоен» (Я. А. Звягин, Калинин).

«Хорошие дети не торопятся походить на взрослых. Торопливость — как искажение мелодии, как фальшивая нота, а ведь фальши, лжи такие дети не терпят» (В. В. Купенко, Киев).

«Они имеют право на доверие. Право ответить:

«Прости, мама, но этого я тебе не могу сказать». Они это заслужили искренностью» (В. Градов, Горьковская область).

Могут показаться чуть наивными, чуть смешными эти короткие ответы родителей. Но как много в них надежды на то, что их дети вырастут хорошими людьми, как глубока уверенность в том, что дом, в котором растут дети, дает основания для такой уверенности.

Да и правда, как много значит Дом для подростка, живущего в ритме современного города...

Однажды я попросил ребят из одного латышского городка написать сочинение на тему «Рассказ о моей жизни».

Примерно через час мне вручили пачку двойных листов в клеточку. Я бегло просмотрел сочинения. Все они, конечно, были о жизни до... До того дня, когда судьба занесла этих ребят на окраину города за глухой забор, в воспитательно-трудовую колонию.

За окном светило солнышко, ветер гонял по плацу два желтеющих листка. Я сидел и читал сочинения.

«В семье у меня дела были плохие. Отец часто пил и скандалил. Когда я был маленьким, мы с матерью очень часто убегали из дома и ночевали у соседей...»

«Вначале моя жизнь протекала, как и почти у всех людей моего года, то есть до пяти лет меня водили в детский сад, где я в какой-то мере воспитывался, но об этом что-то очень плохо помню. А вот с шести лет жизнь моя, если можно так сказать, пошла боком. Из детсада я по странным причинам выбыл и до школы находился без контроля, потому что, когда я просыпался, дома уже никого не было, и весь день я был сам себе хозяин: что хотел, то и делал. Родители мои, хотя и просили соседей, чтобы они за мной присмотрели, но какое дело соседям до чьего-либо сына? Между прочим, именно в это время я и познал одну сторону денег. Около моего дома находился гараж комбината бытового обслуживания. Ну и там, как в любой «шарашкиной» конторе, после работы шоферы и механики любили выпить. А так как делать мне было нечего, то я там все время крутился, сдавал пустые бутылки, благо магазин был под боком и бутылки в нем принимали любого калибра. На вы-

рученные деньги я покупал конфеты и прочие сладости».

«Когда я пошел учиться в четвертый класс, между отцом и матерью произошла крупная ссора, и мать подала на развод... Мы уехали в другой город, и там я немного разболтался, как говорится, без отцовского глаза...»

«...Единственная моя претензия к отцу и матери в том, что уж очень строго меня держали в возрасте от 12 до 15 лет. В эти черные для меня дни очень много меня били ремнем за замечания в школе и вообще за мое мальчишеское поведение. Между прочим, били меня иногда совершенно ни за что. Могли бы просто со мной поговорить, и все было бы хорошо. После пятнадцати лет меня потянуло на улицу к более или менее взрослой жизни. Мне хотелось сходить в кино и на танцы, но меня по-прежнему не пускали. И вот в один декабрьский вечер 1975 года я сказал маме, что в школе вечер и что я хочу туда сходить. Она мне категорически отказала. Тут я не выдержал, психанул и заявил, что на вечер в школу я все равно пойду. Когда я оделся, дорогу мне загородила мать. Мы с ней поговорили: сначала мирно, потом уже в резких тонах. В результате я оттолкнул ее от двери и выбежал на улицу. Почему я так подробно запомнил этот случай? Да, мне кажется, потому, что этот вечер явился границей, притом довольно резкой, в моих отношениях с семьей. Чем дальше шло время, тем я все меньше стал слушаться их советов, а поступал, как считал нужным...»

Я сидел с этими сочинениями, написанными неустоявшимися юношескими почерками, и раскладывал их, как кубики, картинки к картинке.

Ему шесть лет, мама на работе, завтрак на столе, улица смотрит в окно, пустая бутылка мягко шлепается в траву, как бумажный самолетик... Он школьник, пальцы в чернилах, клякса в дневнике, забыл таблицу умножения... Он растет, а отца нет дома, и почему-то плачет мама, а когда отец придет, лучше зажать уши ладонями и спрятать голову под одеяло... Вот ему пятнадцать лет, декабрь, метель... Вот-вот и с ним что-нибудь случится, и на пульте дежурного райотдела милиции вспыхнет тревожная лампочка.

Я понимал, что так быть не могло. Что невозможно арифметическим сложением многих судеб создать одну-единственную в своем роде. То, что происходило с одним парнем, не могло в точности происходить с другим. До колонии они не были знакомы друг с другом, жили в разных домах, на разных улицах, и их отцы не были собутыльниками, а матери, если были несчастливы, то, как говорится, каждая по-своему.

Но передо мной лежали три или четыре десятка сочинений на свободную тему. Сочинения эти были очень похожи друг на друга, и даже не знаю, как точнее сказать, чем... Наверное, все-таки, одним, одинаковым ощущением детства.

В комнату вошел начальник колонии.

— Да,— сказал он, помолчав.— Все правильно. Все совершенно справедливо. Подавляющее большинство наших ребят из семей крайне неблагополучных... Но это-то, наверное, ни для кого не открытие...

Но что же это такое — неблагополучная семья? Ведь все больше и больше возрастают ее экономические показатели! Комнатка в коммуналке, и та скоро станет редкостью!

Что же происходит-то в этих неблагополучных семьях?

Дети теряют родителей. Не в их телесном виде и обличье — тишину и покой родительского крова, любого, какой бы там ни был метраж, какая бы мебель там ни стояла.

Дети лишаются детства! Ведь что детство без дома, который притягивает тебя не отцовским рублем, а чем-то иным, совсем иным...

Николенька приезжает домой... Помните? Возьмите перечитайте трилогию Льва Николаевича Толстого «Детство». «Отрочество». «Юность».

«Сени и лестницу я прошел, еще не проснувшись хорошо, но в передней замок двери, задвижка, косая половица, закапанная салом по-старому, тень от кривой, холодной, только что зажженной светильни сальной свечи, всегда пыльное, не выставлявшееся двойное окно, за которым, как я помнил, росла рябина,— все это так было знакомо, так полно воспоминаниями, так дружно меж-

ду собой, как будто соединено одной мыслью, что я вдруг почувствовал на себе ласку этого милого старого дома. Мне невольно представился вопрос: как могли мы, я и дом, быть так долго друг без друга?..»

Вот видите. «Ласку этого старого дома...» С какой потрясающей точностью переданы ощущения шестнадцатилетнего человека! Какой живой у него дом!

Но ведь дом и должен быть живым! Улица-то — вечный объект педагогических диагнозов — становится пугалом для родителей только тогда, когда дом холоден для ребенка, когда дом отвергает его, когда в домашнем мире нет мира. Да и самого домашнего мира тоже, наверное, нет. А что без него детство? Одна мертвая жилплощадь.

Недаром множество воспитанников колонии, когда я их спрашивал, гарантированы ли они от нового преступления, отвечали: да, если вернутся из колонии в другой город, на другой конец своего города, на другую улицу в конце концов! Нет, не потому они так отвечали, что не любили свой дом, не скучали по нему. Любили и скучали: какой ни есть, а свой, родной. Но не доверяли ему. Предчувствовали, что дом может укрыть их тело стенами, но душу оставит беззащитной.

Один мой знакомый, девятнадцатилетний парень Витя (с ним мы еще познакомимся поближе), арестованный за целый ряд преступлений, как-то в разговоре в пух и прах разбил некоторые наши педагогические концепции. «Не согласен, что улица влияет тлетворно,— говорил он мне.— Улица — это хорошее и плохое. На улице ты видишь и злое, и доброе. Дело все в том, к чему ты стремишься. А к чему ты стремишься, то ты и находишь на улице».

Вот что дает дом — дает растущему человеку первые нравственные установки! И вот почему дом, не способный их дать, — неблагополучный.

В последнее время мы очень много говорим о том, что у подростка должен быть в городе дом, где его всегда ждут, где всегда будут рады его видеть. Но почему-то, говоря так, мы подразумеваем какой-то другой, не домашний дом — клуб, секцию, дискотеку! Наверное, это правильно и современно.

Но тот, единственный и главный дом детства? Неужели движения души повсеместно заглушены баритоном теледиктора! Неужели случайные попутчики в самолете лучше выслушают нас, чем собственный сын? Неужели и Дом тоже скоро канет в тартарары, исчезнет, как исчезает Двор, превращаясь в беспредельный микрорайон?

Нет, конечно, нет. Наверное, нет...

Но надо создавать культ Дома! Я не знаю, как это делать. Наверное, не совместным обсуждением «Голубых огоньков» и не семейными трио балалаечников. Но надо! Детям нужен свой живой дом. Новая импортная стенка — это все-таки второе, главное — в другом.

Я понимаю, мое мнение субъективно. И в первую очередь потому, что передо мной — необычные сочинения, написанные в необычной школе. Но задумаемся, почему бытовое, житейское удивление судьбой какого-нибудь шестнадцатилетнего Васи, который рос-рос, в «чижика» играл, гербарии собирал, в хоре пел и вдруг совершил преступление, становится сейчас удивлением общественным? Да потому, что именно на этом, кажется, нетипичном жизненном срезе видны горячие, болевые точки жизни подростков.

Солнышко за окном все так же светило, только уже чуть отодвинулось. Передо мной были разложены сочинения. А на плацу в это время ребята строились на обед — чуть похожие друг на друга, может, «нулевой» стрижкой, может, одинаковой серой униформой. Командиры выравнивали шеренги, потом шеренги стали длинной колонной, потом скомандовали: «Шагом марш!», и тонкий голосок затянул:

Не плачь, девчонка,

Пройдут дожди...

Л. Н. Толстого я перечитал уже в Москве.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! — писал он. — Как не любить воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений».

ПОДРОСТОК, ВРЕМЯ, МЫ...

Я уже говорил о том, в какой невыгодной позиции может оказаться журналист, пытаясь давать советы родителям. Ведь все-таки наше главное оружие — непосредственное впечатление от встреч с теми или иными героями.

Но и у журналиста есть способ дать оценку событиям не только с житейской, но и с научной точки зрения. Ведь работа, профессия заставляют встречаться со множеством людей, занимающихся длительное время научной оценкой явлений, не только разговаривать с ними «просто так», но и продумывать и вести диалоги о самых насущных проблемах нашего времени.

Вот один из таких диалогов.

Представляю своего собеседника: один из крупнейших советских ученых-криминалистов, доктор юридических наук, генерал-лейтенант милиции, директор НИИ МВД СССР Игорь Иванович Карпец. Долгое время И. И. Карпец был начальником Главного управления уголовного розыска МВД, то есть занимался интересующими нас вопросами и как практик, и как теоретик.

Журналист: Игорь Иванович, совсем недавно я увидел огромную афишу на одном из клубов. Она призывала на лекцию: «Все о трудном подростке». Ну вот, подумал я, еще, наверное, одно откровение. Сколько раз мы их слышали за последнее время! Каких только не было! И тем не менее желание узнать «все» не покидает. Потому что проблема эта, увы, пока не решена. Каждый день почта приносит в редакцию письма, в которых мать пишет о сыне: «стал трудным», или одноклассники о то-

варище: «он у нас трудный», или учитель об учениках: «больше стало у меня в классе «трудных». Но если разобраться, кто же такой — «трудный подросток» сегодняшних дней? Не смогли бы вы помочь нам создать его «среднеарифметический» образ?

И. И. Карпец: Не смогу, потому что «среднеарифметического» просто не существует. Когда мы думаем так, то нам тут же хочется исправить сразу всех, кого мы называем «трудными», предложить всем один и тот же «рецепт» лечения, провести, наконец, какое-то массовое мероприятие по превращению их в подростков, «легких» для общества. Ну, а дальше получается, что то «лекарство», которое было бы чудодейственно для одного, для другого не подходит, а для третьего просто вредно. Все это на языке документов называется индивидуальной работой с каждым. Для этого необходимо тщательное изучение социальных, нравственных, психологических причин, которые конкретного подростка сделали «трудным». К сожалению, нам не всегда хватает терпения, умения, знаний, навыков понять это.

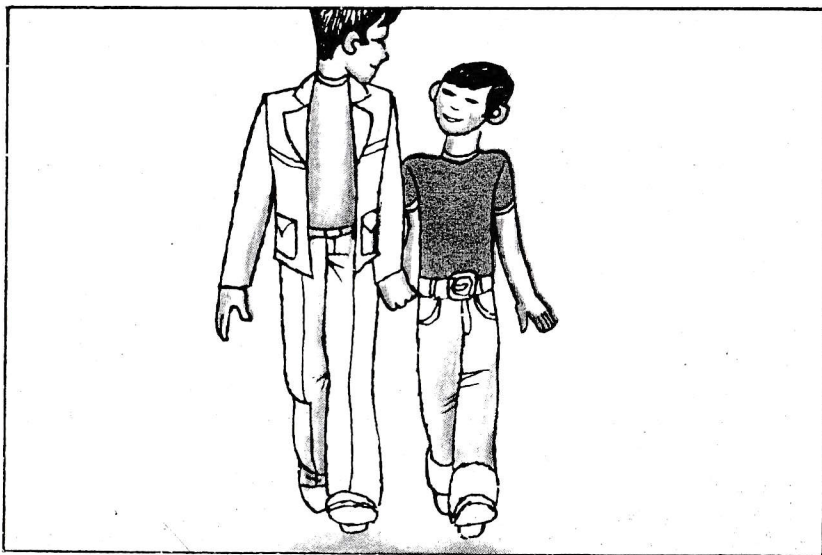
Журналист: Но ведь все-таки существуют типичные условия среды, которые помогают (хотя это слово, конечно, здесь неуместно) стать «трудным» парню. Поясню, что я имею в виду. Когда-то раньше при словах «трудный подросток» тут же возникали перед глазами дом барачного типа, пьяный дебош в квартире, мальчишка, спрятавшийся где-нибудь в уголке, крики соседей, обыкновенная материальная нужда, наконец. Но, как известно, уровень жизни и уровень культуры, даже внешней, в последние годы значительно выросли. Не означает ли это, что сегодняшние «трудные подростки» в большинстве своем происходят из внешне благополучных семей?

И. И. Карпец: Я глубоко убежден: ни материальная обеспеченность семьи, ни, наоборот, допустим, некомфортабельные жилищные условия сами по себе не определяют «трудность» подростка. И в многодетных семьях, где подростки с детства привыкают к труду, определенному материальному самоограничению, и в семьях материально обеспеченных растут разные дети. Повидимому, определяет, каким же вырастет ребенок,

внутренний мир семьи, нравственный настрой, царящий в ней. Что же касается пьяных отцовских дебошей, то они, безусловно, калечат жизнь ребенка, предлагают ему иные нравственные установки. Статистика показывает, что у многих ребят, совершивших преступления, детство было горьким, многие, как вы сказали, забивались в угол, когда отец в очередной раз приходил домой пьяный.

Сложнее искать ответы в статистике, да и вряд ли мы их в ней найдем, когда попытаемся понять, что же сделало «трудным», а потом толкнуло на преступление подростка, выросшего в семье, где все хотя бы внешне было благополучно: и не пили особенно, и не скандалили при сыне или дочери, и соседи не жаловались, и милиция в дом никогда не приезжала. Нашим работникам часто приходится сталкиваться с подобными родителями, которые потом уже, после преступления своего ребенка, доказывают, что уж в их-то семье воспитание было поставлено как следует.

Нет и не может быть такой статистики, которая показывала бы, во скольких внешне благополучных и материально обеспеченных семьях происходят глубокие нравственные драмы, влияющие на душу ребенка не

меньше явных драк, сколько там совершается пусть не преступлений, но нравственно нечистоплотных поступков. Я думаю, что подростка из так называемой нормальной семьи часто толкает на преступление именно не бытовая, а нравственная распущенность: замена духовных ценностей только лишь материальными, стяжательство, ложь, лицемерие, карьеризм. Ничто не проходит мимо человека, только лишь вступающего в жизнь! А большой мир для него начинается в мире маленьком — в семье.

Журналист: Игорь Иванович, влиять на семью, мне кажется, чрезвычайно трудно. Ведь не приставишь же к семье пять наблюдателей из пяти разных общественных организаций, которые целыми днями будут сидеть в квартире и говорить: «сделайте вот так», а «вот так не делайте», «этот ваш шаг отрицательно скажется на воспитании сына», «из-за этих ваших слов сын перестанет верить вам». Пока, мне кажется, мы можем только лишить родительских прав, но для этого родители должны уже совсем перестать быть родителями!

И. И. Карпец: Начнем с того, что человек, особенно юный, испытывает массу неформальных влияний, вступает во множество неформальных связей. Поэтому часто бывает, что неблагополучная обстановка в семье может быть нейтрализована сторонними положительными влияниями. И наоборот, родителей не всегда можно обвинить в том, что они, мол, воспитали «трудного подростка». Не «трудного подростка» они воспитывали — сына своего или дочь растили, как умели. Но отрицательные влияния оказались сильнее того хорошего, что было в семье. Мне хочется подчеркнуть это для того, чтобы при решении сложной проблемы люди не настраивались сразу же на безапелляционное обвинение семьи, либо школы, либо производства, либо улицы. Не так все просто. Человеческая личность в смысле управления, наверное, еще сложнее, чем общественный организм. Вот почему так внимательно надо искать «каналы управления» подростком. Получасовой визит в семью пяти представителей пяти общественных организаций может дать нулевой, а скорее даже отрицательный эффект. Можно, конечно, оставить запись в отчете: «проведена

работа с семьей», и вовсе не догадаться, что взаимодействовать нужно совсем по-другому.

Это — первое, что мне хотелось бы отметить. И второе. Семья влияет на подростка, но живет-то подросток в окружении людей, многие из которых должны — это их обязанность — отвечать за его воспитание. Ведь не на дому же получает человек свое образование — в школе, в ПТУ, где проходит, прямо скажем, не меньшая, а может, и большая, чем в семье, часть его отрочества и юношества. Умный педагог тут же поймет, что парнишка становится трудным потому, что не все ладно у него дома. И постарается хотя бы нейтрализовать то неладное.

Журналист: Значит, если не всегда возможно прямо повлиять на семью, которая воспитывает «трудного», то надо действовать с «флангов»?

И. И. Карпец: Можно сказать и так. Наше общество достаточно сильно, чтобы суметь найти пути к подрастающему человеку, пусть даже нравственно искривленному на каком-то этапе своей небольшой еще жизни. Но когда мы произносим слово «общество», то имеем в виду конкретных людей, занимающихся воспитанием. И конкретные их достижения. И конкретные их просчеты.

Подавляющее большинство подростков, совершивших правонарушения, являлись и педагогически запущенными. То есть вместо того чтобы нейтрализовать отрицательное влияние семьи на подростка, школа, ПТУ иногда его еще и усугубляют. Речь идет не только о психологически тонком воздействии педагога на душу оступившегося ученика, но и об элементарном внимании к его жизни. В Днепропетровске группа учащихся профессионально-технических училищ и средней школы совершила десять квартирных краж в то самое время, когда они должны были сидеть за партами. Но никто из педагогов не поинтересовался, почему же пропускают занятия ученики. В городе Волжске одиннадцать учащихся ПТУ совершили несколько краж из магазинов, притом крали в первую очередь спиртные напитки. Пропускали занятия, похищенное приносили в общежитие, устраивали там пьянки, при себе имели

крупные суммы денег, часто меняли костюмы. И хотя все это происходило на глазах у мастеров, воспитателей, никому не пришло в голову узнать, почему ребята ведут такой образ жизни.

Очень немного и одновременно очень много надо от взрослых, чтобы пресечь первые отклонения подростка от общественных норм: не проходить мимо него, ничего не замечая, не оставаться равнодушным свидетелем. Это один из важнейших факторов, которые могут воспрепятствовать превращению нормального подростка «в трудного», «трудного» — в малолетнего преступника.

Журналист: Игорь Иванович, можем ли мы прогнозировать, что именно этот подросток, которого сегодня называют «трудным», завтра совершит преступление?

И. И. Карпец: Кстати, вам контрвопрос: а кого именно называть «трудным» подростком? Часто он является «трудным» для тех взрослых, которые хотят подавить его самостоятельность, не понимая, что сами-то они отнюдь не положительный пример для подражания. Так что порой нелегко сказать, кто «труднее» — подросток или взрослый. Можно поставить на мальчишке клеймо «трудный» только лишь за то, что он, например, разбил в школе стекло. Но давайте подходить серьезно к самому этому термину. Давайте в первую очередь смотреть, насколько поведение подростка не соответствует общепринятым нормам морали, насколько он педагогически запущен. Такие ребята действительно являются «базой» преступности среди несовершеннолетних, а потом — и среди взрослых. Но можно ли категорически утверждать, что тот, кого часто незаслуженно называют «трудным» подростком, рано или поздно совершит преступление? Я думаю, что нет. Но вероятность этого тем больше, чем меньше внимания мы ему оказываем. Правда, внимание это не должно быть навязчивым, а разговор нравоучительным. Иначе можно добиться результатов, прямо противоположных желаемым. И даже абсолютно правильные, справедливые слова не дойдут до сердца подростка, а, напротив, оттолкнут от него воспитателя. Мне хочется напомнить это особенно тем, кто приступает к воспитанию «трудного», вооружившись лишь прописными истинами и расхожими словами.

Журналист: Читатели часто рассказывают о группах ребят, заполняющих вечерние улицы, а заодно клеймят их за длинные волосы, гитары и транзисторы в руках и прочее. Вот отсюда, пишут они,— прямой путь к преступлению.

И. И. Карпец: К преступности не имеют отношения сами по себе ни длинные волосы, ни гитары, ни транзисторы. Но вопрос этот тем не менее серьезный, и я понимаю тех, кто беспокоится о том, что подростки слоняются по вечерам без дела по улицам наших городов. Потому что именно улица создает неформальные группы, склонные к антиобщественным проявлениям. Именно в таких группах формируются идеалы, противоречащие идеалам общества. Изолировать группы, которые уже совершили преступление, дело, уверяю вас, нехитрое. Но нет гарантии, что завтра не создадутся новые.

Давайте теперь представим вечер в городе. Многие ли из нас, когда были в возрасте сегодняшних подростков, могли высидеть целые вечера дома? Нет. Нас тянуло на улицу, потому что именно улица реализует стремление к общению, столь острое в юности. Но «общение» может быть в подворотне с бутылками, и в клубе, где подростка и его товарищей ждут, и в спортивной секции, и в дискотеке. Вот здесь-то мы и должны сказать себе честно, что таких, созданных специально для подростков домов, в наших городах еще очень и очень мало. Сколько слез пролито, сколько слов сказано вокруг злосчастной танцплощадки, но, увы, очень часто она является единственным местом, притягивающим подростка. А порядка там нет.

Все-таки у нас есть огромные неиспользованные резервы в создании очагов культуры для подростков. И речь не о фундаментальных домах молодежи. Подросткам хватит и небольшого помещения — хватает же беседки во дворе! — но только так, чтобы его там ждали, чтобы он там мог заняться тем, чем хочет: пусть танцует, пусть слушает музыку, занимается спортом, изобретает, возится с мотоциклом, рисует, лепит... У нас в стране множество людей разных профессий, которые по природе своей являются воспитателями. Они могут научить ребят тому, что умеют сами, и дать им внутрен-

ний заряд, не позволяющий юному человеку переступить черту, за которой стоят и цинизм, и жестокость, и преступление. Сколько ребят сумел собрать вокруг себя, например, спортсмен Давид Рудман, создавший клуб «Самбо-70». или режиссер Вячеслав Спесивцев, объединивший вокруг себя сотни подростков, и не только мечтающих стать актерами, но ставших ими в экспериментальном театре в Москве, на Красной Пресне. Да, таких людей у нас в стране много, и наша задача, мне кажется, находить их, поддерживать, помогать преодолевать им всякие организационные трудности, которые неминуемо возникают при всяком новом, живом деле. Только так и можно подойти к решению проблемы «улицы», волнующей сегодня всех. Кажется, какое это имеет отношение к «трудным» подросткам? Но ведь и «трудными» они становятся оттого, что нет человека, который встанет рядом и найдет дело, которое займет ум и сердце...

Вот так шел диалог с Игорем Ивановичем Карпцом, и я вдруг снова вспомнил тот южный городок, Олега Алексея и ту компанию, к которой мы так медленно приближались.

* * *

В отношениях к детям проверяется человек. Очерствело ли его сердце? Свыкся ли он с чужой бедой? Интересен ли ему подросток, сидящий сейчас понуро перед ним? Все это чувствуют ребята так, будто у них там, где сердце, спрятано тончайшее кибернетическое устройство, способное улавливать каждое движение души взрослого и реагирующее на каждое фальшивое слово остро и бескомпромиссно.

Тридцатилетний начальник инспекции по делам несовершеннолетних Олег Алексеев относится к тем, кто остро и тонко чувствует состояние души подростка и отзывается на него тотчас же. Вот чем он так привлек меня.

Утром того дня, когда мы познакомились с компанией на ипподроме, мы сидели у него в инспекции.

Вечером в воскресенье группа подростков совершила преступление: с чужого мотоцикла сняли карбюра-

тор. Ребят тут же задержал наряд милиции, и утром в понедельник они должны были появиться в городской инспекции по делам несовершеннолетних.

Мы едва успели перекинуться несколькими словами, как дверь открылась и появился правонарушитель.

Он замер посреди комнаты, не зная, куда девать руки. Олег поднялся, остановился перед ним, и вот уже никого не было в этой комнате. Все, кто присутствовал здесь, как будто исчезли. Олег видел только этого парнишку, переминающегося с ноги на ногу.

Жаль, не было с собой диктофона, хотя, наверное, никакой технике не передать разговор с глазу на глаз.

Я только помню:

«И еще тебе могу сказать: промахнулся человек — к нему начинают относиться настороженно. Понимаешь? Ты понимаешь, сколько надо сделать тебе, как надо жить, чтобы смыть пятно вора?»

И еще помню:

«Я тебе говорю: на своем опыте знаю, самое основное в жизни — делать выводы. Ты можешь ошибиться, каждый человек может ошибиться, но самое главное — сделать для себя вывод, как жить дальше: наращивая ошибки или избавляясь от них. Ты понимаешь меня?..»

И еще:

«Дорогой мой, мужество проявляется не в том, чтобы избить другого человека, а в том, чтобы осознать свои поступки, встать прямо в жизни...»

«Ты понимаешь меня?..», «Ты понимаешь меня?..»

Какое все-таки большое значение заложено в этих простых словах! В наше время, когда все больше и больше занимаемся мы поиском и нахождением причин преступности подростков, когда причины эти выстроены в прямые шеренги и, кажется, все, все уже ясно, так не хватает часто обычного: «Ты понимаешь меня?»

Хочется понять их, хочется, чтобы поняли тебя... И когда прошло часа полтора и закрылась дверь за любителем мотоприключений, Олег устало прислонился к стене, и только тут мы поняли, каким великим трудом дался ему этот разговор, так просто передаваемый на бумаге, но заставивший блеснуть глаза подростка, совершившего преступление прошлым вечером.

Потом будет обычная работа инспекции по делам несовершеннолетних: оформление профилактической карточки, беседы еще и еще раз с этим парнишкой. Но было достигнуто самое главное — контакт.

...Ну что? Вернемся к нашей компании на краю ипподрома? Попробуем еще раз представить себя на их месте?

«...Вторая бутылка идет по кругу. Хорошо... Какие хорошие все вокруг, настоящие парни! И тот, только что вышедший из колонии — тоже настоящий, смелый парень».

Он вытаскивает колоду карт. «Только не мелочиться — играем не на спички...» Конечно, конечно. Что он о нас думает? Уже не маленькие. Валет взлетает в воздух. Надо добыть денег.

Вон Соломенная Шляпа уселся на ступеньки и рассматривает пустую бутылку... Вот двое идут. Что их сюда занесло?.. Они идут в нашу сторону.

«Атас», — шепчет один из нас. Бутылка с недопитым портвейном летит в кусты. Колода падает под подошву. Тот, один из нас, вскакивает и отбегает в сторону».

* * *

Мы видим, как летит в кусты бутылка, как исчезает под подошвой колода карт, как один из ребят — с короткой стрижкой, дешевенькой цепочкой на шее, с руками, исчерченными характерной татуировкой, отбегает в сторону, как будто он здесь случайно, в компании ребят намного моложе его. Пять пар глаз направлены на нас. Испуганных и настороженных.

Мы стоим перед ними. Мы смотрим им в глаза. Мы начинаем операцию «Контакт».

Как много нам еще надо сделать.

«ГАЛАНТЕРЕЙНЫЙ» ВОПРОС

Знакомьтесь: Михаил Остафьев. Это имя вам ничего не говорит? Совершенно верно. Но, думаю, после того как я представлю его, кое-кто вспомнит: как же, как же... встречались.

В этом году Михаил окончил школу. Работает лаборантом в одном из научно-исследовательских институтов.

Если глаза — перископ души, то, посмотрев в глаза Михаила, можно догадаться, что на душе у него неспокойно.

Род занятий? Здесь я теряюсь. Как бы это понятнее сказать... Мошенник? Одурачиватель людей, жадных до дефицита? Кустарь? Спекулянт? Герой «толкучек»? Их жертва? Ладно. До поры до времени оставим этот вопрос открытым.

Итак, мы познакомились и перешли сразу к делу. Михаил знал, что именно интересовало меня в его биографии, о каких именно болевых точках пойдет беседа.

— Как я понял, вас интересует система нашего производства?

— Да,— кивнул я.

— Покупали майки по три рубля, ставили трафарет западногерманской фирмы, заклеивали в целлофановые пакеты и продавали за 10—15 рублей. Размер ходовой — 46-й. Никто не догадывался...

— Миша, не так быстро и подробнее. Сколько вас? Кто покупал? Сколько продали?

— Понял, подробнее. Нас двое: художник ставит трафареты, а я сбываю продукцию. Чаще всего у комисси-

онных магазинов. Изготовили и продали сто маек... Стоишь спокойно, подходят всякие люди, тихо спрашивают: «Что есть?» Отвечаешь. Кто скажет: «Дорого...» — не торгуешься. Кинешь ему: «Поищи дешевле...»

— Миша, меня интересуют истоки твоего ремесла, которое, как ты, наверное, догадываешься, имеет свое четкое определение в уголовном кодексе.

— Кто не рискует, тот не обедает с пивом,— пошутил Миша.

— Ладно, все-таки, с чего?

— Идея родилась, когда ходил по магазинам. Подумал, что можно делать лучше, качественнее. Не обижать, одним словом, молодого покупателя...

— Миша, я не об этом. По магазинам ходил не один ты, а множество людей, в том числе и молодых. Твоя идея — надеюсь, ты согласишься со мной — придет в голову далеко не каждому.

— Одному, что ли, мне?

— Повлияли ли на твой выбор какие-либо события в твоей семье?

— В семье? Нет. В моем роду одни офицеры. Отец поражается: «Откуда ты у нас такой?» Бедность там, лишения — это все не про меня. Дом с мебелью и машиной. Но видел и очень много людей, которые живут лучше. Со свободными деньгами.

И так далее, и так далее... И так далее.

Миша Остафьев, один из тех «трудных», которые появились у нас сравнительно недавно.

Миша смог появиться тогда, когда неимоверно возрос спрос на доспехи из «джентльменского набора» современного подростка (в принципе стандартного: джинсы, «батники» и т. п.), и, во-вторых, когда родители смогли из своего бюджета уделять уже совсем немалые суммы, чтобы этот «джентльменский набор» приобрести, а точнее, достать.

Миша Остафьев стал производителем модных вещей (правда, подделок под модные вещи). По другую сторону этого «прилавка» встали многие его ровесники, а за их спинами — и их родители.

Однажды с шестнадцатилетним школьником Лешей мы прошли по московским магазинам.

...Леша, как глассер, рассек толпу, и мы остановились только у одного из прилавков.

Конечно, все это мелочи, о которых писать серьезно и рука не поднимается — ремни, пояса и т. д. Но давайте мы, люди взрослые, попытаемся приглядеться, куда направлен Лешин взгляд.

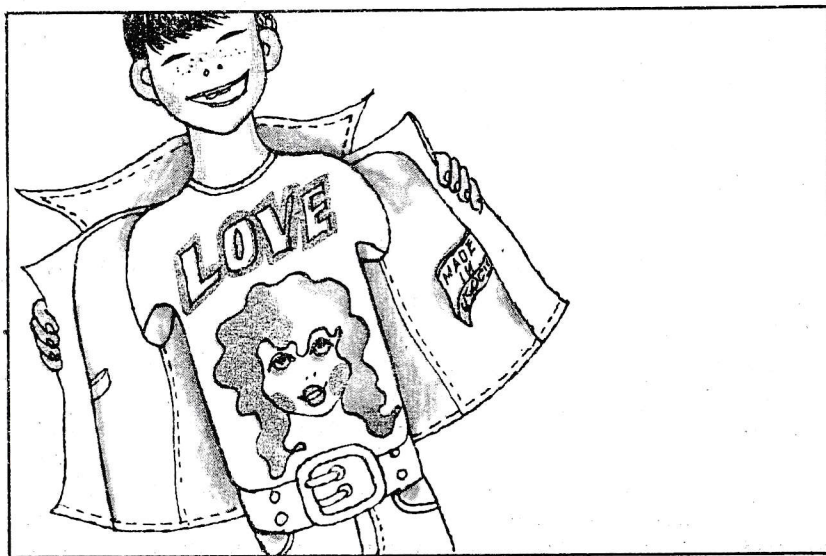
В его руках извивается нечто блестящее, лакированное, широкое.

— Сколько стоит? Девять рублей? Нет, никто из ребят такой не купит, — убежденно говорит Леша. — Стоил он хотя бы рубля четыре... Да и до фирменного ему далеко.

И так далее.

Заходили мы в магазин, спрашивали, смотрели, и я все пытался понять природу тревоги, которая, ну, конечно же, должна охватывать нас при виде того, как гонятся ребята за «фирмой». Что — это тревога оттого, что нет этого «фирменного» в продаже? Да нет, вроде бы не только от этого: нет сегодня — будет завтра, ведь многое из мелочей наша промышленность все-таки начала выпускать.

Нет, просто если есть что-то фирменное, то, значит,

появляются и «фирмачи». К нему, к коллеге Миши Остафьева, и обратится в конце концов Леша.

Ведь мимо нас по улицам идут ребята в «фирменных» джинсах и «фирменных» куртках и с «фирменными» сумками через плечо. Где они все это достают?

И таких вот, абсолютно «модных» ребят становится все больше и больше в центрах наших городов, больших, средних и маленьких. И ребята с окраин, видя их, спешат срезать бубенчики со своих огромных клешей, а по ночам в снах видят ультрасовременные джинсы, и просят родителей достать такие же, «как у мальчиков в центре».

Но самое, как мне кажется, главное, некоторые из тех ребят, кто имеет «все это», уже и по-другому смотрят на других, кто не имеет, и ищут, и дружат, и собираются вместе с теми, кто «имеет».

Мы знаем, что все это глупо, смешно, что «по одежке» только встречаются, но вспомним, что это мы говорим с наших позиций, нашего опыта.

Вот почему не так уж все ясно и в таком парне, как Миша Остафьев.

Все-таки ключи от шкатулки, в которой находятся тайны нравственных изломов таких ребят, находятся не только в кармане Мишиной джинсовой курточки. А где еще?

Наверное, еще и в конструкторских бюро и цехах нашей легкой промышленности, то есть там, где тоже должна создаваться «индустрия для подростков», о которой мы много сегодня говорим и пишем.

Мне стало обидно за тех, кто отдал бешеные деньги только за то, чтобы пользоваться мнимо иностранным клеймом на абсолютно нашенских майках. Но еще обидней за тех, кто эти майки произвел. Что у них, краски что ли не было?

И уверен я, что люди оказавшие бесплатную услугу Мише хотя бы тем, что произвели эти майки, и радио слушают, и телевизор смотрят, и газеты читают, и молодых людей на улицах встречают не из прошлого века — из нынешнего, и собственных детей имеют. Следовательно, должны знать, что сейчас модно, а что нет. Так нет же! И вот уже эти туфли, от вида которых му-

рашки по спине пробегают, эти рубахи, раздувающиеся вокруг тела, как паруса аргонатов, эти брюки, в которые может вместиться по крайней мере еще полчеловека — уж ладно, что они глаз оскорбляют. Но ведь глаза, как мы уже говорили, — перископ души, а душа — это, говоря ученым языком, система нравственных ценностей.

Я предвижу возражения, что другой, не Миша, и то, что есть на прилавке, наденет. Правильно, другой наденет. И третий наденет. И четвертый. А пятый пойдет на «толкучку» доставать себе то, чего нет на прилавках или бывает редко. Да еще родителей изведет, чтобы они где-то достали. Шестой же поймет, что можно жить тем, что снабжать пятого модными шмотками. А когда только подумаешь о том, что все «производство» Миши размещалось в одной комнате малогабаритной квартиры, тут же подпрыгнешь от легкости решения задачи в большом, государственном масштабе.

Тем более опыт такой уже есть.

Например, опыт, накопленный нашими друзьями из ГДР, показывает, что «галантерейные» проблемы, над которыми бьются сегодня множество родителей, не так уж неразрешимы...

Тем, у кого в ГДР мы спрашивали: «Существует ли молодежная мода со своими, отличными от взрослых силуэтами, расцветками, тканями?» — вопрос этот представлялся таким же, не требующим доказательств для ответа, как вопрос, существует ли на свете молодежь? О том, что такое молодежная мода, нам говорили семнадцатилетние ребята, с которыми мы встретились в центре Берлина. И наши коллеги — журналисты «Юнге Вельт». И работники торговли. И руководители предприятий министерства легкой промышленности ГДР, то есть хозяйственники, люди, склонные больше верить убедительным колонкам плановых показателей. Да я думаю, что услышать: «Да, есть молодежная мода» мы могли услышать и в Москве, и в Урюпинске.

Но именно в ГДР создана государственная система производства и продажи товаров для молодежи, то есть то, о чем сегодня мы мечтаем.

Для иллюстрации несколько цифр.

Центр молодежной моды ГДР («Югендмоде») — это 180 торговых точек во всех округах, в районных центрах страны. В Берлине, например, работают два специализированных магазина, и еще в трех — обычных — универмагах есть отделения «Югендмоде».

Центр молодежной моды ГДР сотрудничает с 56 предприятиями по производству верхней одежды и с 40 предприятиями, которые выпускают верхний трикотаж.

За полугодие центр «Югендмоде» разрабатывает около 650 моделей для молодежи. Одежда создается для двух возрастных групп: от 14 до 17 лет и от 18 до 25 лет.

Сейчас, считают в центре «Югендмоде», примерно 65 процентов молодежи ГДР одеты в джинсы, куртки, рубахи, на которых вшита ленточка с буквами «ЮМ».

Часто можно слышать: «Нашли о чем говорить — о моде».

Но в ГДР я не раз слышал другое: «Молодежная мода есть часть социалистической молодежной политики».

Не слишком ли высоко сказано о такой «ерунде», «безделице» — о моде? Подобные слова, увы, хорошо знакомы и самим подросткам. По-разному подкрепляются они, начиная с бесспорного утверждения, что духовное начало в наших детях должно преобладать над материальным, кончая достаточно хлипким доводом: «Что, у нас одеться, что ли, не во что? Что, у нас в магазинах брюк, что ли, нет?»

Но воспитывать подростков, игнорируя пусть не главные, не основные ее запросы, это значит часто проигрывать и в главном, в основном. Допустим, молодежная мода не связана впрямую с главным вопросом, на который каждый из нас ищет ответ: каким вырастет молодой человек, юноша, подросток, какие ценности жизни он выберет? Но если какой-то парень поверит в единственный пароль «достать», придет на барахолку, начнет сутеться возле комиссионного, будет завидовать приятелю, у которого «фирменные» джинсы, — тогда мы будем считать, что это все касается нравственности, то есть главного для нас.

Наверно, в общегосударственном масштабе «галантерейную» проблему решить все-таки можно, тем более

что в последние годы наша промышленность все больше и больше учитывает эти «мелочи», на которые через такое увеличительное стекло смотрят сегодняшние подростки.

Но как решить ее в личном, семейном плане? Что ответить на категоричные требования сына или дочери: «Достань джинсы, как у Сережки».

Почему-то подобных вопросов от родителей очень много в нашей редакционной почте, и за каждым письмом видно, как смотрят пристально, напряженно и бескомпромиссно глаза их детей-подростков.

Честно, я не знаю, что отвечать. Разве только еще раз спросить самого себя, где, как был допущен просчет в воспитании, из-за которого сегодня приходится долго раздумывать не над тем, что ответить на этот вопрос, а как достать «джинсы, как у Сережки».

Вот здесь-то мы и подошли к судьбе Вити Полянова, на которой мне хочется остановиться подробнее.

ЛАВИНА

Витя Полянов стоит перед глазами.

Иногда ловлю себя на том, что мне его все-таки жалко. Хотя он сам, думаю, очень бы удивился, что именно этого чувства — жалости — достойна его судьба. Как это у него было: «Я думаю, у меня будет все нормально. Спорим?»

Я не стал спорить. Больше того, я не мог сказать нормальных слов на прощание, кроме банальных, ни к чему не обязывающих: «Надеюсь, там ты что-нибудь поймешь».

Через некоторое время девушка с сержантскими погонами на мундире, уже привыкшая здесь ко всему и ко всем, стояла в дверях комнаты для допросов, ждала, пока мы кончим разговор. А Виктор подмигнул, бросил через плечо: «Ну, спорим?» И улыбнулся.

Улыбка эта не вязалась ни с его внутренним состоянием — все-таки осужден на три года заключения, ни с внешним видом — убогой черной робой и стрижкой под «ноль».

Но он улыбнулся.

Вот так мы расстались.

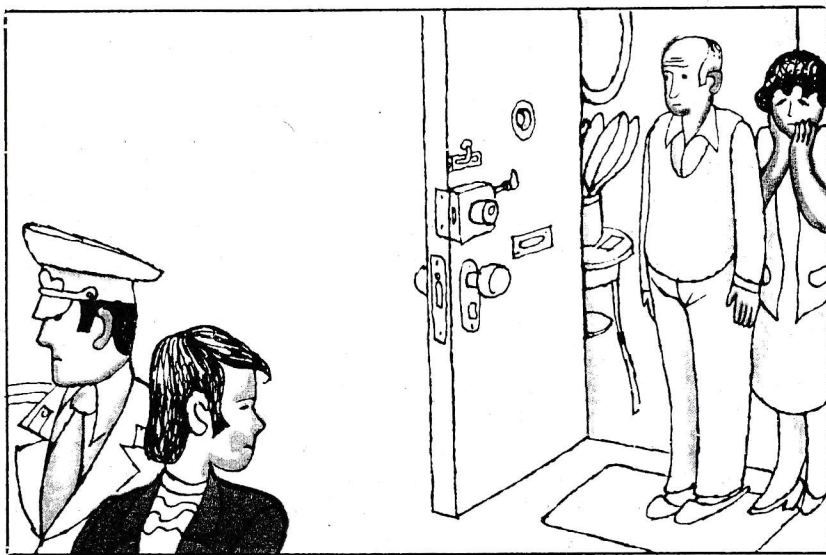
И я понял, что все-таки мне жалко Витю Полянова.

Еще долго после того, как все, какие можно было собрать, факты его жизни были собраны, когда встречи с десятками людей легли строчками в блокнотах, когда, наконец, главный блокнот — разговор с самим Виктором был заполнен от корки до корки, я не мог сесть за машинку и написать первую фразу: «Витя Полянов стоит перед глазами».

Не мог потому, что в голове была сумятица, десятки чувств — от недоумения до негодования — охватывали, как только на глаза попадались эти блокноты, пока, наконец, не настал тот день и час, когда я почувствовал, что одно осталось, одно — главное. И это главное — жалость.

Хотя, если подумать, кого еще жалеть во всей этой истории? Охотников за дефицитом, обманутых Поляновым, доверивших ему свои деньги, севших с ним вместе в такси, покупавших вместе с ним на разных квартирах дефицитные шмотки, переплачивавших вдвое, а то и впятеро сверх истинной цены, то есть заранее принимая нечестную игру? Жалеть из-за того, что они оказались обманутыми каким-то мальчишкой, заведены им в конце концов в ресторан «отметить» покупки, а потом коварно брошены, и ни такси с покупками у ресторанных дверей, ни самого Вити. И плакали денежки.

Жалеть раззяв, трепетной рукой берущих у Виктора джинсы, запечатанные в полиэтиленовые пакеты с фирменным клеймом, суетливо сующих ему деньги в подворотне, радостно спешащих домой и обнаруживающих,

что в пакете — ровно половина джинсов, то есть, говоря по-простому, одна штанина?

Сейчас, когда пишутся эти строки, Виктору Полянову только-только исполнилось девятнадцать лет. Первую свою торговую операцию он совершил в четырнадцать, а потом пошло, пошло, и он уже не мог остановиться, не мог подумать, а в конце концов и представить, что можно жить иначе: не торгуя, не продавая, не покупая, не вмещая в эти три понятия смысл человеческой жизни, такой короткой по сравнению с жизнью, к примеру, черепах.

За дни нашего знакомства Витя Полянов вызывал разные ощущения. Например, удивление.

— Я думал, что вы из прокуратуры — ворошить старые дела. Нет — тем лучше. Так записывайте. Во-первых, фарцовщик. То, чем я занимался до этого печального происшествия — я имею в виду арест и суд, — для меня гораздо выгоднее любой, подчеркиваю — любой, работы. Записываете? — так начался наш разговор.

Ну как, занятная откровенность?

Еще одно чувство — растерянность. Он пускает дым в потолок, улыбается легко и свободно, как будто мы с ним беседуем на свободе, в баре, а не в следственном изоляторе.

— ...Хотите я за пять минут сделаю из честного человека фарцовщика?

— Попробуй, — отвечаю я.

— Не верите... — констатирует он.

— Нет, но меня разбирает любопытство.

— Эксперимент прост, — начинает Виктор. — Я приношу к товарищу на работу фирменные джинсы, сообщая при этом, что они мне, допустим, малы. Он, представьте себе, отказывается. Но я как бы между прочим спрашиваю у него, не нужны ли они кому из его товарищей по работе. Он выходит в коридор, выясняет, что джинсы, несомненно, кому-нибудь нужны. И их продает. Но ведь не по реальной цене, а по той, которую предложил ему я. Вот он и стал фарцовщиком.

— Ты уверен, что именно так все и случится?

— Угу, — кивает Виктор и одаривает меня одной из

своих улыбок, выработанных пятилетней деятельностью у комиссионных магазинов.

Еще одно чувство лично я обозначил бы так: непонимание. Сам Виктор назвал это по-другому — «некомпетентность».

В один из дней мы сидели с Виктором и подсчитывали, во сколько же он обошелся — в финансовом измерении — своим родителям со дня окончания школы.

— Ну, — начал Виктор, — во-первых, 365 дней (один год, правда, високосный) по рублю. То есть я прекрасно знал, чтобы со мной ни случилось, утром, когда я встану, возле меня будет лежать рубль и пачка сигарет. В общей сложности этих денег, так сказать, «на прокорм» было затрачено максимум полторы тысячи...

Витя не зря подчеркнул: «что бы ни случилось». После школы, кстати, школы специальной, с изучением иностранного языка, он поступил в институт, где проучился ровно один семестр. Отец Виктора, например, считает, что всему причиной лень Виктора: он не мог заставить себя встать в восемь часов утра и ехать на другой конец города. Виктор объясняет все проще: «Ну, кончил бы, допустим, стал бы инженером, получал бы 120 рублей. Есть ли в этом смысл? Тем более что мне легче купить диплом».

После трех неудачных студенческих месяцев Виктор сменил около десятка мест работы. Последние полгода он совсем не работал, сидел дома.

— Так, дальше, — попросил я продолжить нашу арифметику.

— Ну, я не считаю стоимость тех вещей, которые они мне покупали. Но тут, вы знаете, такая штука. — Виктор улыбнулся. — Лучше бы они не покупали. У нас — разные вкусы. Лучше бы давали деньгами: я сам бы купил то, что мне нужно, то есть то, что подходит современному человеку.

— Ты позабыл, что отец, когда ты еще учился в 10-м классе, покрыл все твои карточные долги?

— Это мелочь, — отмахнулся Виктор.

— Ну, и наконец, — подошел я к самому главному, — сколько раз ты просил деньги у родителей на свои торговые операции?

— Раз десять, — не задумываясь ответил Виктор.

— И тебе всегда давали?..

— Ну, — пожал он плечами. — Фифти-фифти, то есть раз пять давали легко, а раз пять — с боем, со скандалом, но все равно давали.

И тогда-то я напомнил Виктору его собственные слова о том, что плохой день был для него, когда он зарабатывал меньше 200 рублей, что в руках его бывали большие суммы денег, до нескольких тысяч. Так почему же он, имея в руках деньги, все-таки принимал рубль по утрам и энное количество рублей со скандалами и без?

Виктор представил несколько объяснений.

Во-первых, «родители — это дойная корова, которую стоит использовать».

Во-вторых, «родителям — уже за сорок, и они должны существовать для обеспечения ребенка».

И наконец, в-третьих: «Я должен был постоянно напоминать, давать чувствовать родителям, что я существую».

Если бы остановиться на этих объяснениях, наверное, разумных, с точки зрения Виктора, то все встало бы на свои места, и потребительство легко бы завершило схему падения молодого человека из благополучной семьи.

Но что-то противилось принять лишь эти объяснения. Быть может, элементарная логика: ведь если у самого Виктора всегда были деньги (а они были, хотя бы за каждую аферу с такси, набитым дефицитом и увезенным от разомлевшего от счастья покупателя он имел, по его словам, тысячу, а то и больше рублей), но зачем же требовать деньги с родителей, нарываясь при этом на неминуемый скандал? И поэтому появился такой вопрос:

— Нет, Виктор, все-таки я тебя не понимаю, — прервал я его. — Должны же быть и иные причины кроме «дойной коровы»?

Вот тогда-то Полянов и бросил мне в лицо:

— Как я понимаю, вы — не компетентны.

— Как-как? — не понял я.

— А вот так, — жестко отрезал Виктор. — Вы не знаете нашей жизни, то есть жизни деловых людей. Сегодня у тебя нет четырнадцати копеек на «Приму», а завтра в кармане — 500 рублей. Ведь капитал находится

в обороте. В обороте,— подчеркнул он, чтобы уже не оставалось никаких сомнений в первопричинах семейных конфликтов.

Вот почему Виктор, улыбаясь, можно даже сказать, насмехаясь, рассказывал о проекте отца: «Кончишь институт — получишь машину и ключи от кооперативной квартиры».

— Зачем мне все это? — спрашивал он у меня. Квартира и машина — это не база. Мне для работы нужны были наличные деньги. То, что оставалось от оборота, являлось стержнем для работы. Тем более меня больше привлекала не цель, а сам процесс.

Как, откуда взялось это в Викторе — парне, выросшем в наше время, среди сверстников, не ведающих, что такое «оборотный капитал», — разговор, мне кажется, особый. Отдельная тема. Давайте разберемся с одним человеком — с самим Виктором.

Определение еще одного чувства, вызванного разговором с ним, я нашел с трудом. Поэтому не будем на нем останавливаться подробно.

Допустим так: негодование.

— Ну вот что, — произносит Виктор, — между прочим, я не знаю ни одного человека, который в наше время сможет за идею сидеть на воде и хлебе. Каждый хочет за каждый свой жест что-нибудь поиметь.

И так далее.

Дело не в этой софистике: «за идею», «на воде и хлебе». Дело в другом: в полной уверенности Виктора, что материальный блеск не только у него — у каждого человека, по его мнению, затмил всю радугу жизни.

Спор вокруг этого вести трудно, потому что ценности — несоизмеримы, и можно только посочувствовать Виктору, что в круг его общения не попали люди высокие и чистые, физически в конце концов не способные не только что-либо продать, но и купить что-либо на толкучке. Нет, все это странно. Оставим это без широкого комментария.

Наконец, еще одно ощущение — элементарный интерес.

В один из дней Виктор взял мой блокнот и перечислил те факторы, которые сделали его таким. Вот они в

порядке, так сказать, поступления: «семья», «школа», «средства массовой информации», «улица и микромир, который окружает за порогом дома», «встречи с другими взрослыми», «любовь».

Расшифровка каждого из них займет много времени, и поэтому я ограничусь основными постулатами пяти из них, а на одном остановлюсь подробнее.

Вне перечисленных факторов Виктор назвал вот что: «В детстве мне хотелось, чтобы в моей песочнице было больше всего куличиков».

Сам он определил это собственным генетическим кодом, но когда я попросил его покопаться и в этом, он ответил, что все это «дебри» и лучше заняться тем, что бесспорно. А бесспорным было следующее (цитирую в выдержках):

«Семья: ребенок смотрит на мир глазами своих родителей. Как узнать, плохо живет человек или хорошо? Что лучше: у человека есть дача, хорошая квартира, машина, или бредет человек по улице, а у него в авоське батон и сто граммов колбасы. Мой дом подсказал мне, что лучше. Я сделал первый выбор».

«Школа: здесь было положено начало моей деятельности, если можно так сказать. Первую торговую операцию я провел в школе — купил джинсы. Смотрел на «средних гениев», то есть ребят, увлекавшихся чем-нибудь. Призвания у меня не было: ни математикой, ни химией я не увлекался. Тянуло к тем, кто выделялся внешне: одеждой, манерой поведения, кругом знакомств. Меня привлекала эта престижность...»

«Средства массовой информации: примитивные телепрограммы. Я, допустим, люблю мотогонки, но кто-то их, наверное, не любит: почти не показывают. Мне кажется, молодежь надо удерживать хотя бы у телевизора».

«Встречи с другими взрослыми. Родители отделили свой мир от моего. А меня очень тянуло к друзьям отца. Но, вы знаете, у них главные разговоры — о работе. Работа меняется — все контакты исчезают. У отца нет ни одного близкого друга. Ладно, меня не пускали в этот мир — я проник в него сам. Взрослые, с которыми я познакомился помимо дома, — были другими: уверенными, беззаботными, их знали швейцары в ресторанах. Меня

тянуло к ним. Позже я узнал, что эти взрослые — такие же, как я. Вернее, я стал таким же, как они».

«Любовь. Встречаешь человека, который тебе нравится. Тебе хочется обладать этим человеком. Раньше перед дамами гарцевали на рыцарских турнирах. А нам на чем гарцевать? И где? На мотоциклах! На улице! Любовь заставила меня полюбить мотоцикл. Это первое. А второе: если девушка привыкла кушать шоколад и пить шампанское, то тебе хочется купить ей шоколад и шампанское. А для этого нужны деньги, а деньги надо заработать. Это — любовь, ничего не поделаешь».

И еще одно, что мне хочется привести целиком: то есть «улица и микромир», который окружает за порогом дома. Знаете, даже некое воодушевление заметил я в его глазах, когда он встал и произнес:

«Улица... Улица — это расширение твоего мира! Улица — это место, где проверяется, кто ты и зачем ты здесь. Дома ты усваиваешь истины, на улице ты проверяешь их в действии. На улице ты находишь друзей, на улице ты встречаешь этих самых девушек. Не согласен, что улица влияет тлетворно. Улица — это хорошее и плохое. На улице ты видишь и злое, и доброе. Дело все в том, к чему ты стремился. А к чему ты стремился, то ты там и находишь. Я нашел на улице то, что искал, то есть людей, подобных себе. Вы знаете, от раннего детства у меня осталось ощущение карнавальности центра города. Я помню: подъезжаем на машине, папа ходит по магазинам, а я смотрю из окна и вижу этот карнавал, особенно вечером. Как мне хотелось попасть туда! И я попал. Когда я впервые пришел в кафе в самом центре города, где собирались «центровые ребята», — мне тогда было лет четырнадцать, меня охватили трепет и волнение, как будто я вошел в храм. Потом я стал бывать там часто. И так далее... А теперь — дайте мне еще одну сигарету... Спасибо...»

— Не будем оспаривать каждое утверждение Полянова. Не будем высчитывать, все ли факторы назвал он или не все: кто это знает точно? Не будем поражаться примитивности его оценок, если примитивность эта замечена, не будем негодовать, да и радоваться вроде не из-за чего.

Не забывайте: слова, закавыченные мною, принадлежат преступнику, отбывающему срок наказания.

Но все-таки признаемся, то, что сказал Витя, нам интересно и важно знать.

Ну, а то ощущение, с которого я начал историю Виктора Полянова, — ощущение жалости. Где же оно?

Как родилось оно, откуда оно взялось, я объясню, когда придет этому пора. Чуть позже, тем более что в непосредственный момент беседы с Виктором его еще не было.

Все какие угодно чувства были. Все, что угодно. Кроме жалости. И я был уверен, что чего-чего, а уж жалости-то не останется в сердце, когда по прошествии времени взгляд снова уткнется в блокноты с пометкой на обложке: «Финансист»...

Но оказалось... Оказалось, что и по сей день Витя Полянов стоит перед глазами. И значит, не так все просто.

В какой-то момент разговора с директором школы, в которой Полянов проучился десять лет и которая, говоря языком высоким, дала ему путевку в жизнь, я неожиданно почувствовал, что именно сейчас будут сказаны слова, напрямую его осуждающие.

Моя собеседница закурила, взглянула поверх меня, в окно, потом прямо мне в глаза, как учитель ученику, и спросила:

— Вы еще увидите Виктора там?

— Там? — переспросил я.

— Ну да, там, — сказала она, подчеркивая последнее слово.

И я понял, что сколько бы раз я ни переспрашивал, где «там?» — она не скажет: там, в колонии, в тюрьме, — потому что эти слова были несовместимы с кабинетом, за дверьми которого поднимались пять школьных этажей, бегали новые ребята и звенели веселенькие школьные звонки. И я понимал, что нелепое соотношение «там» и «здесь» для педагога отзывалось покалыванием в сердце, и иначе быть не может, если учитель не чиновник в департаменте просвещения, а просто учитель, желающий своим ребятам пусть какой угодно профессиональной судьбы, кроме той, что у Полянова. Поэтому ответил:

— Да, я увижу его там.

— Так передайте Виктору,— сказала директор школы,— передайте ему,— и голос ее повис на высоких нотах,— что я отработала 26 лет в школе и имею первого заключенного. Я потрясена не потому, что не знала, что он может кончить именно так, а потому, что все-таки верила — этого не случится.

Я понимал, что то, что сейчас сказала Людмила Сергеевна,— очень серьезно. По крайней мере — для нее. Поэтому я не прерывал тишины, установившейся после этого в кабинете.

— Хотя,— вздохнула Людмила Сергеевна,— хотя передайте ему также, что я потрясена, что на скамью подсудимых попал парень с большой головой.

И уже только тогда, после завершения паузы, после того, как она наконец-то увидела, что пепел уже подходит к фильтру, я спросил:

— Людмила Сергеевна, как вы думаете, все ли сделала школа для того, чтобы судьба Полянова не обернулась именно так?

— Вы знаете, ответила она,— я буду, наверное, не права, конечно: каждый человек до конца все не доделал и до конца не долюбил,— но в 9—10-х классах все мы занимались Витей днем и думали о нем ночью. Мы знали: перевернем мир, а он кончит школу, хотя этот мальчик с пятого класса беспокоил всех. Вы уже, наверное, это знаете, что в старших классах у него стали очень напряженные отношения с семьей, особенно с отцом. Мне иногда казалось, что он готов идти куда угодно, только не домой... Все, что было у Виктора доброго,— это в школе. Дома — ссоры с родителями. В его компаниях — вечная продажа, разговоры о деньгах, долги. В школе просили только одно: выучи косинусы, ответь про животный мир, запомни исторические даты. Хотя, конечно... Я была у Виктора дома пять раз, а могла быть десять. Да, десять,— закончила Людмила Сергеевна.

Потом мы говорили еще о многом, пока, наконец, я не подошел к своему главному вопросу: почему, Полянов стал Поляновым, то есть парнем, юношей, удостоившимся нашего внимания не за самоотвержен-

ные поступки, не за благородство и честность, и не за спасение ребенка из полыньи.

— Кто виноват...— задумалась Людмила Сергеевна.— Сила тех людей, которые окружали Виктора вне дома и школы? Или обеспеченность родителей? Я не могу точно ответить, что же именно так нравственно распустило его. Может быть, излишняя опека позволила Виктору так своеобразно решать жизненные вопросы? Может, отсутствие контактов с чистыми людьми? А точнее, причина в том, что сначала родители слишком много дали Виктору, слишком многое разрешали, слишком часто возили, слишком хорошо одевали, слишком много показывали. А потом пошли голые требования. А у Вити уже исчезла граница желаемого и возможного.

Ну что ж, и это объяснение, видимо, может иметь место. Ведь, докапываясь до причин, превративших мальчика из благополучной семьи в преступника, мы должны учитывать не только мнение самого Виктора Полянова, но и людей, окружавших его в разные отрезки его жизни.

Поэтому, к примеру, интересно мнение и его одноклассника, приятеля, в какой-то момент — даже друга. Назовем его Игорем.

— Вы знаете,— сказал мне Игорь, когда мы увиделись с ним у нас в редакции.— Витька всегда хотел иметь больше всех, или одеваться красивее всех, или быть лучше всех, впрочем, тоже внешне. Если, допустим, кто-то ездил на мотоцикле быстрее, чем Витька, и он понимал, что догнать не может,— тогда он ездил на заднем колесе. Каждый день своей жизни он очень хотел выделиться. Создавалось впечатление, что каждую минуту он думал только об этом.

Да, и это правда. Я пишу так уверенно «правда», потому что у меня есть железное подтверждение — саморазоблачение Виктора (хотя, по-честному, слово это не совсем подходит: для него это было не саморазоблачением, а объективной информацией о себе).

Осознав, что он не попадает в число «средних гениев» (термин, уже нами употреблявшийся), то есть он не хватал звезд по астрономии, не щелкал формулами, как семечками, на алгебре, не цитировал Писарева по первоисточнику, Виктор выделился тем, что первым — еще в

восьмом классе — пришел в школу в фирменных джинсах, что именно его после школы ожидали таинственные личности, значительно старше его по возрасту, что именно он дарил знакомым девушкам подарки, которые и взрослый-то человек не в состоянии подарить. Даже сейчас, отбывая наказание в колонии, Виктор переживает из-за того, что вокруг него какие-то «мелкие люди, всякая шпана», осужденная за хулиганство, кражи, грабежи, ограбления. Люди, по его словам, примитивные, не соответствующие его собственному уровню.

Отчего Виктор стал таким, почему? Может, разгадка в словах директора школы Людмилы Сергеевны, которая знает его с первого класса:

— Мне кажется, что с раннего детства Виктору внушали, что он — особенный. Когда он стал меняться прямо на глазах, его мама кричала на нас в присутствии сына: «Вы неправильно к нему относитесь!» Только лишь в десятом классе его отец публично признался, что никакого влияния на сына он уже оказать не может.

Ну что ж, может быть, и это сыграло решающую роль в том, что Виктор мог выделиться из всех, только лишь проехав на заднем колесе мотоцикла или притаскивая в класс несколько пар джинсов.

Наконец, заслуживает внимания и формулировка отца Виктора Павла Николаевича:

— Поймите меня правильно, Виктор кончил десятилетку, поступил, потом бросил институт. И не работал, и в то же самое время пользовался всякими благами. Я не сухарь: и в кафе могу пойти, и шашлык на природе изжарить. Но это второе. А первое — работа. Именно этого Виктор не понимал.

Хотя сказано это кратко, лаконично, но, согласитесь, слова эти — важности необычайной.

Полянову-младшему хотелось жить так, как живет Полянов-старший, то есть иметь приличную зарплату, хорошую квартиру в центре города, машину, дачу, но... Но при этом не работая. То есть достигнуть результат, не прилагая к этому особых усилий. Он не учитывал, что все-таки результат — это труд, и его отец, прежде чем стать руководителем предприятия, прошел весь путь «от» и «до».

Как-то я спросил Виктора, как, по его мнению, должны были вести себя его родители, чтобы он, единственный сын, не только не считал их «врагами», но и уважал.

Вот что предложил Виктор:

— во-первых, я бы на их месте решил проблему жилья, то есть отделил бы меня от них;

— во-вторых, все-таки переписал бы на мое имя автомобиль сегодня, а не после того, как кончу институт;

— в-третьих, давал бы мне в день три рубля, а в субботу и в воскресенье столько, сколько я попрошу — в реальных размерах, конечно.

Наверное, вас, как и меня, ужаснула откровенная формула потребительства этого парня.

И хотя это объяснение — я бы назвал его «желанием мгновенного результата» — очень важно для понимания развития характера Вити Полянова, я все же рискну дать свое собственное определение основной причины, сделавшей его таким.

Ведь в конце концов проблема соответствия трудного пути, который проделали родители, и нынешнего материального благосостояния актуальна сейчас во многих семьях. Почему же именно на Виктора Полянова судьба, как говорили в старину, указала перстом?

Для снежной лавины, мирно лежащей на склоне горы, достаточно удара камнем размером не больше пятикопеечной монеты, чтобы она сорвалась, устремилась вниз, сметая и разрушая все на своем пути. «Лавина потребительства», кроме души, не разрушает ничего. Но и для нее, как и для лавины, рожденной природой, хватает такого же «камешка», который в одном случае может, конечно, пролететь мимо, в другом — удариться и отскочить без вреда. Ну, а в третьем. В третьем, как случилось с Витей Поляновым, вызвать обвал и смести не человека в его телесном обличье, а человеческую личность. Это, мне кажется, и является тем недостающим звеном, которое позволило «сработать» всем тем причинам, подтолкнувшим Виктора к преступлению, о которых мы так много говорили выше.

Объясню происхождение термина.

Однажды, в дни очередного безденежья, в поисках

«оборотного капитала» Виктор продал всю «Библиотеку всемирной литературы», и в течение длительного времени никто этого не заметил. На полках же, как и до продажи, стояли книги... Вернее, суперобложки книг, а внутри — старые газеты и прочий хлам.

Суперобложки, выстроившиеся на полках по цветам и векам, для всех, живущих в доме и приходящих сюда в гости, означали благоденствие, покой, достаток, культуру в конце концов. И только один Виктор знал, что за ними — пустота, пустыня, отсутствие настоящего.

Можно было отмахнуться от этого эпизода как от незначительного, тем более что Виктор и не такие фокусы выделывал в своей квартире, в своей семье. Но в конкретном поляновском случае эпизод с суперобложками, поверьте, символичен.

«Совершенно домашний мальчик...», «не знали забот...», «откуда могло это взяться...», «перемены в сыне заметили только в конце девятого класса...» А ведь все уже было, все было раньше, и сын, очутившись в критической ситуации, скажет о своих взаимоотношениях с родителями:

«С раннего детства я знал, что они (то есть родители) — это люди, от которых надо было что-нибудь скрывать. Сначала оценки, потом листы, вырванные из тетради, потом — первую сигарету, выкуренную с ребятами во дворе, то есть примерно с первого класса я начал создавать свой собственный мир, в который не хотел посвящать родителей. И думаю, это их устраивало», — зло закончил Виктор.

Последнее замечание очень существенно. Не известно, что тяжелее: не знать истину, или, зная ее, верить «суперобложкам», прикрывающим истину?

Сарказм Виктора поэтому понятен, когда он говорит: «Родители ругали меня за запах вина, и — давали деньги, которые, ясно, идут не на мороженое и не на билеты в кино для девочки. В моей комнате иногда скапливалось такое количество джинсов — ой-ой-ой! Да и сами они просили иногда кое-что достать для детей своих знакомых».

У меня нет доказательств, знали или не знали родители Виктора о размахе его торговых операций. Да я и не

собираюсь искать их. Важнее другое: сам Виктор ни на секунду не сомневался, что они знали, и зная это, заботились о другом — чтобы внешне правила игры были соблюдены, чтобы он оставался студентом, хорошим сыном, таким же домашним, как в детстве, и хорошим мальчиком. То есть все порочное, что уже зарождалось в Викторе, кружилось там, разрушая одну за другой молекулы души, было надежно спрятано в гляцевую суперобложку.

Именно это и превратило связи внутренние, так важные для людей, живущих под одной крышей, одной семьей, — в связи материальные: они и в самом деле материальнее, зримее, они имеют денежный эквивалент, на них легче строить взаимоотношения.

Я пересмотрел еще раз блокнот, где записан наш последний разговор с отцом Виктора:

— «Я ему однажды сказал: давай заключим с тобой контракт: ты мне зачетку за первый курс, а я тебе — ключи от нового мотоцикла. Как премия на производстве...»

«Я мог бы ему купить путевку в санаторий, но я ему покупаю — в турлагерь: пусть отдыхает, как все...»

«Если бы мне сказали: дай тысячу рублей, и сын будет на свободе, я бы отказался: во-первых, я на это просто не могу пойти как гражданин, а во-вторых, в таком случае сын поймет, что мои идеи ничего не стоят...»

И так далее, и так далее...

Как все-таки много в этой истории приходится употреблять слов: «купил», «продал», «достал» «рубль», «десять рублей», «сто рублей», «деньги». И хотя бессмысленно было бы отмахиваться от всех этих естественных реалий и нелеп спор: «Можно ли прожить без денег?» — все равно, по серьезному счету, — это тоже своего рода суперобложка, которой можно отгородиться от жизни, спрятаться от нее.

Вот поэтому-то я и написал вначале, что единственное чувство, которое осталось у меня по отношению к Виктору, — это жалость.

Можно стать богатым, баснословно богатым, можно играть в эти «деловые» игры и получать от самого процесса игры удовольствие, можно многим прикрыться от жизни: не только одной квартирой — даже двумя, не

только финской мебелью, но и антикварной, не только собственным автомобилем, но и самолетом.

Только ты сам, как личность, мало кому будешь нужен.

«У меня очень много деловых связей», — в голосе Виктора, когда он произносит это, звучала гордость.

В его записной книжке было записано около четырехсот телефонов. Его многие знали в городе.

Но только один из нескольких десятков людей — сверстников Виктора, с которыми мне удалось встретиться, не произнес: «это подонок...», «я с ним не имею ничего общего...», «он в тюрьме, а я на свободе...»

Этот один — Игорь — спросил, не может ли он как-нибудь помочь Полянову? Что нужно сделать? Как?

«Игорь — чистый человек, но ему будет очень трудно жить. Жизнь — жестока...» — сказал Виктор, когда я рассказал о своей встрече с его одноклассником Игорем, может быть, единственным из четырехсот, с которыми (по собственным словам Полянова) он был связан не деловыми отношениями, а какими-то другими... Какими точно, он так и не смог сформулировать.

Вот так он и остался: парнем, способным проехаться на заднем колесе мотоцикла — кадр, вполне достойный суперобложки какого-нибудь красивого, яркого, в разноцветных картинках издания...

С этого документа началось следствие по делу Виктора Полянова:

«Начальнику отделения милиции (номер отделения и фамилия начальника).

«Гражданин Полянов, находясь в нетрезвом состоянии (такого-то числа и месяца весь вечер он распивал спиртные напитки — следуют фамилии), учинил дебош, накинусь с кулаками на меня и мою жену, ругался матом, сбросил на пол телевизор, бил головой (у меня рассечена бровь) и др. На шум и крик подоспели соседи. Гражданин Полянов сначала притих, а затем с площадной бранью и с ножом в руках (по общему мнению, это была финка) бросился к лифту, на пути порезал руку жене, а я успел прикрыться дверью квартиры №... По вызову соседей прибыли из отделения милиции два милиционера, осмотрели все и ушли. Гражданин Полянов

длительное время нигде не работал, ведет совершенно непонятный образ жизни для молодого человека. Из дома продает вещи как свои, так и ему не принадлежащие. В доме постоянно собирается компания его сверстников, пьют, играет музыка. Были у гражданина Полянова и попытки к домашним дебошам. Настоящим прошу принудить гражданина Полянова уважать законы нашего общества и привлечь его к ответственности».

В этом заявлении я не исправил ни буквы. Кроме одного: там, где вы читаете «гражданин Полянов», в заявлении стояло: «Виктор», или «наш сын».

Вот так все произошло. Так, можно сказать, было еще раз доказано, что людская суперобложка — всего лишь декоративное украшение, имитирующее, но не заменяющее реальную действительность.

Не будем вдаваться в догадки, что же толкнуло родителей Виктора пойти на шаг, не так уж часто случающийся в судебной практике — ходатайствовать о возбуждении уголовного дела против собственного сына. Отец, Павел Николаевич, объясняет это так: «Мы хотели оградить Виктора от худших поступков». Сам же Виктор добавляет: «Что бы я, не дай бог, не повредил еще больше его делам по службе».

Что бы там ни было, в тот день в зале народного суда был осужден не только Виктор, но и дом, в котором он вырос, — внешне благополучный и респектабельный, но и та «двойная бухгалтерия», которая, что бы мы там ни говорили, не может не оставить отпечатка в сердце подрастающего человека.

Над чем там еще хохотал Виктор? А, вот над чем: «Однажды Людмила Сергеевна выступила на собрании и потребовала, чтобы родители, у которых есть машины, больше не привозили на них своих детей в школу. Так вот — к школьным воротам больше не подвозили. Машины останавливались за углом... Интересно, догадывалась ли наша Людмила об этом? Мне кажется, конечно, она знала. Но из окна больше ничего не было видно. Ведь так, а?... Как вы думаете?

А вы?

Но у меня лично, у меня... Витя Полянов стоит перед глазами.

«СПАСАТЕЛЬ»

Это история не имеет отношения ни к суете около комиссионного магазина, ни к судьбе подростка, покоренного лавиной потребительства, ни к не прекращающейся борьбе двух начал в растущем человеке — духовного и материального. Но тем не менее эта история касается всего, о чем мы говорили выше.

Она о том, что человека может спасти только человек. О том, что судьба наших детей — это зеркало нашей судьбы, взрослых. И еще эта история о родительской ответственности человека, который и родительскими узами не был связан с подростком.

* * *

Колю арестовали ясным летним днем.

Мир за окнами был просторен и приветлив, а стал угрюм и тесен, когда прямо в цех пришли два милиционера и сказали Коле: «Собирайся. Пойдешь с нами».

Токарь-универсал 6-го разряда Петр Григорьевич Любченко не видел, как уводили Колю: как назло, он пошел в это время в мастерскую за кругляком, и поэтому он не знал, какие были при этом у Коли глаза, и искали ли глаза его, Любченко.

Он еще не знал, что произошло, но уже понял: пришла беда. И с этой минуты почувствовал, что спокойно ему уже не жить.

Он еле дождался конца смены и, не заходя домой, помчался в горотдел милиции (благо там работал знакомый). Знакомый выслушал, куда-то позвонил, к кому-то

сходил и, вернувшись, сказал: «Серьезные у него, Петя, дела».

«Что же случилось? Кто виноват в том, что случилось?» — спрашивал себя Петр Григорьевич Любченко, потому что спрашивать было больше не у кого. «Ты», — отвечал он сам себе.

П. Г. Любченко понимал: надо что-то делать, куда-то писать, звонить, с кем-то говорить. Но не знал, с кем. «Это мы просмотрели парня», — сказал он старшему мастеру. «Ну просмотрели», — согласился старший мастер. Он пошел к начальнику цеха. «Ну, а мы-то что?» — пожал тот плечами и написал на Колю убийственную характеристику. Ну, ясное дело, не в аспирантуру писалась характеристика, и даже не в вечернюю школу — в суд.

Петру Григорьевичу очень хотелось быть на суде, но его не пустили, потому что суд шел при закрытых дверях. Месяца четыре он ходил сам не свой. Люди ему близкие и люди посторонние не могли понять, что это с ним: «Ну посадили так посадили. Подумаешь, дело. Посидит — выйдет. Не сына же в конце концов посадили», тем более и сына-то у Любченко не было, а росли две дочери.

Но что-то в нем сопротивлялось этой понятной, житейской точке зрения. Он не мог найти себе места и, наконец, понял, что это будет до тех пор, пока он не узнает, где сейчас находится Коля, и не протянет к нему единственно возможную в данном положении нить — почтовую.

Он сел в дальний автобус и поехал к Коле домой: узнавать адрес колонии. То, что увидел у него дома, опечалило его и рассердило, и хотя он уже был в этом доме раньше, до ареста, и был готов к тому, что встретит его пьяный отчим Коли и, увы, нетрезвая мать, все равно, когда он услышал: «Ого, гость приехал, беги за бутылкой», и совсем еще девчонка, Колина сестра, привычно направилась к двери, он понял, что вот-вот сорвется. Поэтому, узнав, что писем сюда Коля не пишет и нового его адреса здесь еще нет, Петр Григорьевич уехал, почти не сказав этому дому ни слова.

Тогда Любченко подумал и решил, что адрес колонии должен быть у девушки, с которой Коля «ходил» —

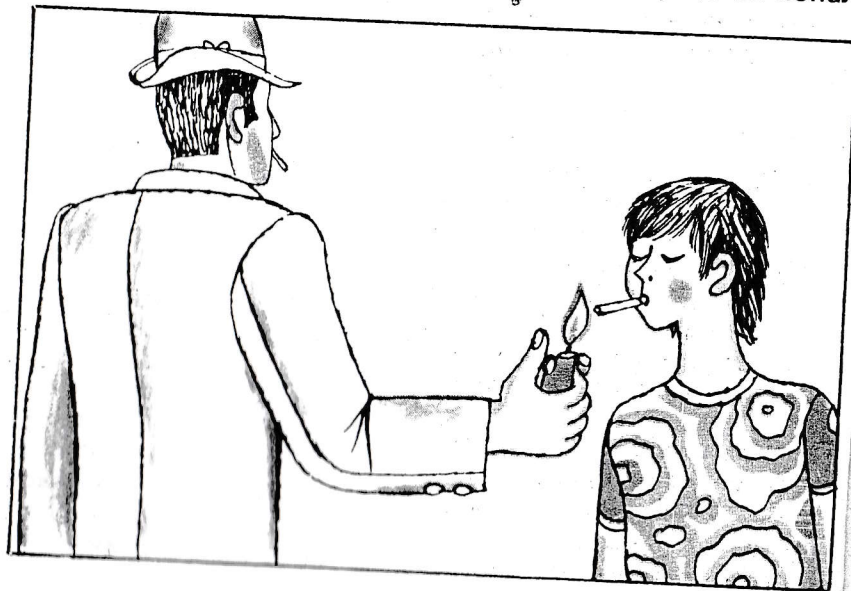
черт знает, что за язык у этих семнадцатилетних! Он начал искать эту девушку. И представьте себе, нашел. Девушка удивилась, посмотрела на него с некоторым подозрением, но адрес дала.

Осенние холодные ветра, как отбившиеся от рук подростки, носились по городу. Был вечер. Петр Григорьевич сидел за столом и писал письмо в колонию. Нелегко было ему в те минуты. Ведь надо было не просто вывести на бумаге: «Здравствуй, Коля. Пишет тебе... Ну, как ты там» и так далее, а собрать слова в чуткий организм, который может...

Что в принципе может слово?

На что он надеялся?

«Здравствуйте, Петр Григорьевич! Пишет вам воспитатель колонии. Письмо, адресованное вашему воспитаннику, получили и потом прочитали перед всем отрядом (извините за смелость). За два года работы мне не приходилось парням нашим читать такие письма. Лично я был растроган, передалось мое состояние и воспитанникам. Я уверен, что кто-то из них напишет вам письмо, кроме Николая и меня... Он говорит, что вы ему очень помогли в свое время, но не согласен с тем, что он попал

в нашу колонию по вашему недосмотру. Говорит, сам виноват, самому и ответ держать...» — таким было первое письмо, пришедшее в дом Любченко.

Потом письмо пришло и от Коли.

Это была еще очень слабая ниточка между ними, скорее даже не ниточка, а так — порыв воздуха, легкий вздох навстречу. Но какая надежда была в таком легком вздохе! И этой легкой надежды Петру Григорьевичу было вполне достаточно...

Но правда ли это? Так ли уж необходим был этот легкий — можно сказать, призрачный вздох надежды для жизни Петра Григорьевича Любченко? Мало ли ему забот было без этого? Каковы же (простите за научно-канцелярский стиль) были мотивы его поступков?

Знаете, мне показалось, что себя, именно себя считает Любченко виновным в том, что однажды Коля вместе с двумя своими приятелями совершил тяжкое преступление. Не родителей, не милицию, не общественность, не старшего мастера, не начальника цеха, не комитет комсомола, не сотни людей, которые окружали парня каждый день и час, не десятки обстоятельств, которые — уж это мы давно выяснили! — влияют на формирование личности. Только себя.

Цитирую дословно:

«У меня не было педагогического такта». «Я мог сорваться и накричать на него». И совсем уж для себя жестокое: «Так какой же из меня педагог, учитель! Дали мне четверых учеников, а если бы я четверых загубил?!»

Но что он один, кто он такой? Да и что значит «такой»? П. Г. Любченко воспитал многих ребят, и поэтому имеет право серьезно и размышлять о проблемах наставничества, важных не для него одного, для всех, об огромном дефиците знаний и способностей, без которых не то что ученика — себя не воспитаешь.

Но за этим общественным зрением есть и его личное, собственное.

Вот маленькая история о том, как сам Любченко однажды оказался 13-м учеником.

В 1957 году он пришел первый раз на завод, и дали ему тоже наставника (хотя, наверное, в те годы это все называлось иначе). «Наставник» любил выпить и полдня

занимался тем, что зарабатывал левые деньги. В первый же день для «крещения» он попытался сгонять за водкой своего нового ученика. Новый ученик отказался. «Двенадцать учеников выпустил — никто не противился. А этот, 13-й попался», — со злостью и удивлением сказал «наставник».

— Теперь я его часто вижу в городе, — говорит Петр Григорьевич. — Я отворачиваюсь в сторону, и он отворачивается.

Вот чем мерит себя и своих учеников Петр Григорьевич! Вот какими категориями! Чтобы никто завтра, послезавтра, в далеком и прекрасном будущем не смог отвернуться от него, и чтобы сам он ни от кого не мог отвести глаза. И вот почему, оставь он Колю сейчас, забудь о нем, это отозвалось бы в нем почти физической болью.

Так надо ли искать мотивы, превратившие токаря-универсала Любченко в Спасателя? Ведь не будешь же размышлять, откуда в душе человека остается место еще и для обостренной совести? Она или есть или ее нет.

А ведь если следовать житейской логике, то ничто не могло связывать Петра Григорьевича с Колей. Наставником-то его никто и не назначал. Просто в один из зимних дней пришла к Любченко женщина из соседнего цеха и сказала: «Петр Григорьевич, вот парень совсем отбил от рук. Возьми его к себе учеником». Любченко подумал и взял. Трое учеников у него уже было, а где три, там и четыре.

Увиделся П. Г. Любченко с Колей уже там, в колонии, примерно через год. Случилось это так.

К тому времени Коле уже исполнилось восемнадцать лет и его перевели в другую колонию — исправительно-трудовую, взрослую, отбывать срок дальше. На конвертах появился новый адрес. Как-то раз в августе, получив письмо, Петр Григорьевич понял, что Коля хандрит, и хандрит сильно. Он знал, что колония — не курорт, и массовики-затейники там по штату не положены. Но он знал также — и доказательством тому был его собственный жизненный опыт, — что в какую бы ситуацию ни попал человек — нехорошо, если начинает ломаться его дух, потому что вслед за духом может сломаться и душа. А это уже непоправимо.

Но тут, к счастью, подошло у него время отпуска. Путевки в какой-нибудь далекий южный город не было. Проторчать весь отпуск в городе? — подумал Петр Григорьевич. Он сел в поезд и поехал к Коле, в колонию.

В том городке шел дождь. Как всегда в такую погоду, болел позвоночник, и Любченко знал, раз уж начал — то это надолго. Уже два десятилетия после одной катастрофы позвоночник вполне заменял ему службу гидрометеоцентра.

Опираясь на палочку — «на эту проклятую тросточку», как называл он ее сам, он потихоньку добрался от станции до колонии.

К Коле его не пустили, и вечером он вернулся на станцию.

В гостиницу он устроиться не смог и ночевал на скамейке в зале ожидания, подложив под голову чемодан с книгами, которые привез Коле. Подошел милиционер, спросил, кто он и зачем он здесь. Петр Григорьевич объяснил, как мог. Милиционер посмотрел на чемодан, на руки этого человека, на палочку, прислоненную к спинке скамейки с буквами МПС и отошел.

Утром Петр Григорьевич снова был в колонии.

— Ну что вы здесь все ходите?! Что вам здесь надо?! Все равно мы вас сюда не пустим! — остановил его в дверях своего кабинета капитан. — Кто вы такой в конце концов! — уже совсем рассерженно воскликнул капитан.

Любченко подумал и ответил:

— Я — рабочий... Коммунист... Наставник... Бывший наставник этого пацана...

И эту ночь провел Спасатель на вокзале. И еще одну. Он понимал, что колония — это колония, что инструкция — это инструкция, что в конце концов он не родственник Коле, и поэтому не положено ему свидание. Но оттого, что он понимал это, было не менее обидно.

Наконец, на четвертый день Любченко прорвался в кабинет заместителя начальника колонии с твердой целью не уходить отсюда, пока он не увидится с Колей. Но когда он уже в десятый раз начал объяснять, кто он, зачем и почему, то вдруг заметил в глазах майора даже некоторый интерес и удивление одновременно.

— Ладно,— сказал он.— Я разрешу вам свидание. На двадцать минут.

Потом Петр Григорьевич сидел в комнате и ждал Колю. Рядом с ним был молодой офицер. Потом в комнату зашли еще трое офицеров и во всех глазах он читал такой же интерес и такое же удивление, как и в глазах майора.

Коля прибежал минут через пять. Он зашел в комнату и растерялся. «Ну, давай, Коля, садись поближе»,— сказал Спасатель и тут увидел, что Коля дрожит, смеется и плачет сквозь смех.

Он тогда возвратился домой, и хоть немного обиды осталось, но понимал: что-то удалось, Колю пообещали поставить работать на токарный станок.

А дни шли и шли.

«...Вышлите бандеролью книги по токарному мастерству и обязательно книгу «Токарное дело». А то я сколько в библиотеке не искал, так и не нашел...»

«...Теперь вот что хотел узнать, а вернее, спросить, как вы обрабатываете алюминий, на каких оборотах, с какой подачей и какими резцами...»

«...В декабре делал гайки с винтом. С ленточной резкой гайку я нарезал на 200 об/мин, а сейчас эту же гайку нарезаю на 500 об/мин. Правда, перед тем как нарезать, приходится немного подтягивать фрикцион. Одним словом, кое-что получается. Ну, а ко мне родичи так и не приехали. Я им уже три месяца не пишу, также и они мне. Да я уже про них как-то и позабыл. Времени нет их вспоминать...»

«...Стал больше присматриваться к людям, как они жили раньше, почему они оказались здесь и т. д. Я слушаю теперь их внимательно, можно сказать, почти принужденно. Иногда задаю себе вопрос: «Зачем мне все это?» А оно мне для того, чтобы потом не сделать таких же ошибок, как они. Это, наверное, у меня такой возраст, когда приходится много о чем передумывать и давать оценку своим прожитым дням, недели, месяцу, году. И как жить дальше, в оставшееся время...»

«Петр Григорьевич, я сейчас намного быстрее и качественнее работаю, чем взять хотя бы январь. Если еще в январе не полностью, а вернее, толком не мог обра-

ботать алюминий, то сейчас — будь здоров! Алюминий для меня, можно сказать, как дерево...»

«...Мои родичи уже второй год все едут из Кустаная, так и не доедут. Что-то мне кажется, что они спились. Я написал им несколько писем, чтобы оставили меня в покое со своими делами и заботами. Мне такие родичи в данное время не нужны. Как-нибудь перебыюсь...»

«...Вот у меня, можно сказать, большие планы на будущее. Я знаю, что все не получится, но что-то возле этого будет и даже много чего. Мне сейчас некому писать, кроме вас, а как выберу время, так и не знаю, с чего начать. А как много чего охота вам высказать, все до ниточки, а вот написать все как-то гораздо труднее, а почему — и сам не знаю...»

«...Искупить вину и выполнить долг — это большая разница. Долг — это обязанность каждого, а искупить вину — это значит заработать честным трудом свободу, забыть прошлое, научиться трезво смотреть на жизнь, а не сквозь пальцы, как было раньше...»

Эти и другие письма лежали стопкой на столе дома у Петра Григорьевича. Мне хочется, чтобы и вы почувствовали то, что почувствовал я сам, когда (уже потом взяв разрешение у Коли) переписывал их в блокнот: напряжение обратной связи — термин, вдруг ставший сегодня популярным. То есть чтобы за этими... ну пусть даже корявыми строчками представили вы другие строки, написанные в других письмах: туда, в колонию. Чтобы вы увидели другие слова, вызвавшие эту обратную связь.

Читал я письма долго. Петр Григорьевич входил, потом снова выходил из комнаты, что-то там делал, о чем-то разговаривал с женой, с дочерьми. Потом мы вдруг принялись говорить на почти вечные темы: откуда берется жестокость у ребят, что делать с хулиганами, что хулиганы делают на улицах и так далее.

А потом Петр Григорьевич сказал вот что:

«Вы сейчас поедете в колонию — поговорите с Колькой. Он написал, что конфликт у него произошел с парнем, который работает с ним на одном станке. Станок, пишет Колька, он не убирает после себя. А Колька научился ценить станок. Это новое в нем. Ох, как бы он дров не наломал, не подрался с тем парнем».

Это было сказано о Коле.

И тогда я понял, чем же он так привлекателен, Спасатель. Мы только тогда вправе говорить о них обо всех, когда сами спасем хотя бы одного. А в противном случае остаются лишь одни декларации — толковые, но бесполезные, просто словесная шелуха.

Петр Григорьевич Любченко стал Спасателем именно потому, что он замкнул на своем сердце две жизни Коли — сегодняшнюю и будущую, точно так же, как, наверное, во время войны связисты соединяли своими телами два провода, через себя пропуская голоса людей.

В комитете комсомола камвольно-суконного комбината, откуда ясным летним днем два милиционера увели Колю, его уже никто не помнит. Да что его... Я взял с собой список молодых людей, осужденных в 1976 году. Одну за одной называл я фамилии, и руководители комсомольской организации комбината пожимали плечами: «Нет, не помним... Вроде бы фамилия знакомая. Да нет, тот другой...» Потом кто-то произнес: «Да, это еще неизученный вопрос...» И я подумал о том, что, наверное, справедливо свойство человеческой памяти забывать все плохое, и в такой же степени несправедливо свойство памяти коллектива людей.

Но есть, есть Любченко!

Теперь мне хочется дать свой ответ на этот вопрос, потому что Спасатель — в широком значении этого слова — это не только человек, протягивающий руку пацану, попавшему в колонию, то есть потерпевшему серьезную аварию на жизненном пути, но и тот, кто в один прекрасный день стал нашим учителем, кто не бросит нас в житейском несчастье, кто не усмехнется криво, когда вдруг нам повезло.

Но что касается Петра Григорьевича Любченко, то у меня есть свой ответ на вопрос, кто же в состоянии стать человеком, о котором мы скажем: да это — Спасатель!

Только для этого я расскажу еще одну историю из жизни Любченко, которая на первый взгляд вырывается из общего хода повествования, но на самом-то деле имеет к Колиной судьбе самое прямое отношение.

Эта история о том, как Любченко уезжал на БАМ.

Цитирую блокнот:

«Надумал я уходить с комбината, но в Кустанае, думал я тогда, работать мне негде. Дай-ка, решил я, тоже уеду на стройку века, на БАМ. Может быть, на что-нибудь сгожусь. Была у меня на примете одна станция, и поехал я туда. Приехал. А кабинет председателя горисполкома забит до предела. Оказывается, совсем недавно выступал он в «Известиях», и тут же все к нему понаехало. Он сидит, бедный, отбивается: «Ну не звал же я всех этой статьей, товарищи! Ошибка вышла! Вам и работать негде, и жить!» Потолкался я там, и сказали мне, поезжай в Магистральный, там токаря нужны.

Приехал. Познакомился. Сказали мне, иди получай себе постельные принадлежности, метраж и так далее. А где получать? — спросил я. Да здесь недалеко, десять километров.

Два часа я тянул эту постель и не дотянул до общежития. Приехал врач. Говорит мне: куда же вы приехали? Уезжайте отсюда домой! Куда вам здесь с вашим позвоночником! Вам же не 25, а 45 лет. Ну, понимаю — надо уезжать. Ребята сделали мне эту проклятую тросточку. Иду, а тяжело. Чемодан меня перевешивает, потому что в нем — килограммов тридцать. Мой токарный инструмент.

Ну ладно. Дальше. Сижу в Нижнеангарске, в аэропорту. Подходит ко мне какой-то парень и вдруг спрашивает: ты не токарь? — и смотрит на мои руки. Отвечаю: токарь. Он обрадовался. Говорит, что им как раз токаря нужны. Поехал с ним ради спортивного интереса. Пришлось подниматься семьдесят километров в горы. Мошка жужжит, а у меня аллергия еще к тому же — вся рука опухла. И я вернулся.

Зря вы все это записываете! Это же смех, а не поездка. Переоценил я свои силы...»

Ну, а что же рассказывать о том, что не удалось? Стоит ли? Стоит. Мы привыкли оценивать человека по состоявшимся поступкам. Но как важно оценить человека и по тому, что он задумал сделать, по его помыслам. Насколько они чисты? Насколько высоки? Насколько приближат новые, уже состоявшиеся поступки?

Наверное, от отчаяния уезжал Петр Григорьевич на БАМ. К этому времени он ушел с камвольно-суконного

комбината. Ушел просто так — не на «новую службу», а тогда, когда должен был противостоять и противостоял практике «левых» доходов руководителей своего цеха. Тогда, когда он добился правды — и как коммунист, и как народный контролер, но и эта правда, и он сам — ее носитель кое-кому на комбинате вдруг показались лишними.

Да, наверное, это был шаг отчаяния, но, согласитесь, и отчаиваться-то из-за настоящего умеет не каждый.

Мне кажется, что Коля должен понять этот отчаянный поступок, потому что разве может быть Спасателем человек, равнодушный к злу?

«Я знаю токарей, которые, дабы доказать свое мастерство, из одного куска металла по особой технологии точили полый шар. В стенках его сверлили шесть отверстий и вытачивали несколько шаров. Те свободно перекатывались внутри шара, но через окна не выпадали. Сделать это могли лишь отдельные классные токаря. Нужны большое терпение, долголетний опыт и главное — любовь к раз и навсегда избранной профессии».

Больше того, имя токаря увековечено в энциклопедии». Это из статьи, которая опубликована П. Г. Любченко в областной газете недавно, уже в новом качестве, на новой работе — в экспериментальном производстве при конструкторском бюро в ЦелинНИИМЭХС — научно-исследовательском институте механизации и электрификации сельского хозяйства. И пусть название это звучит так длинно, под статьей стоит та же, как всегда, подпись — токарь-универсал.

П. Г. Любченко верен себе.

Человек, не верящий ни во что, не может отстоять веру во что-нибудь. Человек, забывающий свои убеждения, не докажет свои убеждения другому человеку, а если и докажет, то только во вред этому другому. Человек, обманывающий самого себя, оставит в душе другого человека лишь пустые надежды высокой идеи.

Вот почему, мне кажется, имел право стать — и стал! — Спасателем Петр Григорьевич Любченко.

Но спасет ли это Колю?

Я был у него в колонии. Мы сидели с ним и разгова-

ривали о жизни, которая была, которая есть и которая будет потом.

Я спросил у Коли, показывает ли он письма, которые получает от Петра Григорьевича Любченко, тем своим ровесникам, которые вместе с ним отбывают срок заключения.

Коля ответил, что сначала показывал, и у всех лезли — по его словам — шары на лоб, потому что, как это — посторонний человек, а пишет, да еще приезжает. Потом показывать перестал, потому что надоело всем объяснять, что это за «посторонний человек», да и некоторые начали советовать «не связываться с этими наставниками».

Еще Коля вспомнил, что Григорьевич тогда, на комбинате, принес в цех цветы. Чтобы было красиво. «Но в то время я еще ничего не понимал», — добавил он.

Недавно Коле исполнилось двадцать лет.

Замечаний у него, сказал капитан (тот самый), нет...

В город я вернулся поздно вечером, и когда уже пришел в гостиницу и поднимался по лестнице, то боковым зрением заметил, как с диванчика возле дежурной встает и идет за мной Петр Григорьевич.

— Я знал, что вы вернетесь сегодня, — сказал он мне. — А телефона-то у меня нет. Как там у Кольки с тем парнем, сменщиком? Не подерется он с ним из-за станка?

Как-то во время нашего разговора я его спросил:

— Петр Григорьевич, ну, а все-таки какие моменты в вашей жизни вы считаете для себя счастливыми?

— Счастливыми? — переспросил он и задумался. — Да вот, когда эту железяку сделали, — показал он станок еще с прежней работы на камвольно-суконном комбинате, который до сих пор стоит в уголке его комнаты.

— Ну, а история с Колей?

— С Колей... — Петр Григорьевич задумался, посмотрел, нет, не на пачку писем, которые лежали на столе, а куда-то за окно, на окна соседних домов, поверх этих окон. — Коля... Как там у него кончится, думаете, я знаю? Хочется знать, а вдруг? Вдруг он ожесточится? Вот если бы можно было брать их оттуда под расписку — взял бы

Кольку, не сомневаясь. Но ведь так нельзя же. Нельзя же, а?

У Петра Григорьевича Любченко сто пятьдесят рационализаторских предложений. О нем пишут в газетах, фотографии его висят на доске Почета, его приглашают в президиумы и выбирают во всякие общественные органы, самолеты уносят его на разные представительные конференции. Он ведет дневник — уже давно, много лет, фиксируя в больших с клеенчатыми переплетами, общих тетрадах те мгновения, которые, он уверен, кому-то еще кроме него должны быть интересны.

Он не боится жизни, не боится рискнуть потерять то, что есть сегодня, что уже достигнуто, признано, оценено кем-то.

Есть дело, есть семья, есть ученики.

И еще вот такой Колька.

В его комнате стоит железная кровать — жесткая, удобная для позвоночника. Возле нее — станок, «железка». В углу — чемодан с инструментами и токарными приспособлениями, которые нужно с оказией отправить туда, в колонию. За стеклом книжного шкафа прикреплена газетная вырезка — фотография Стаханова.

И жизнь продолжается.

СНЕЖОК В XXI ВЕКЕ

«Звенит будильник. Мой сверстник спит. Но ведь это будильник новой конструкции. Из него выглядывает маленькая пушечка, которая начинает обстреливать спящего струйками воды. Если он не проснется — срабатывает механизм и небольшое приспособление начинает тормозить его, сдергивая одеяло. Если же он снова не проснется, то маленький магнитофон оглушительно кричит: «Девять двадцать! Ты опаздываешь в школу...»

«Ерунда! Он встанет в пять утра, потому что в школе будет учиться интересно».

«А все жильцы дома, где будет жить мой сверстник, с самого утра садятся на велосипеды и катаются, катаются вокруг дома».

«Начались уроки. Но обязательно с использованием стереомагнитофонов, на которых записана программа уроков. Сидят ребята, слушают магнитофон, а учитель только включит его и уйдет в учительскую. Не доверять тогда не будут».

«Ученики 5-го класса будут проходить программу за 10-й, а 1-го класса — за 5-й. Мне кажется, что тогда дети могут открыть тайны на Земле и на других планетах».

«Звенит звонок, но не резкий, который на всех наводит панику, а нежный и музыкальный, какие уже продаются для квартир. Начинается урок. Какой? Мой сверстник идет туда, куда хочется, потому что в школе будущего существует правило ходить только на любимые уроки. В начале года он сам выбирает себе предметы (под контролем учителя). Предметов должно быть опре-

деленное количество — отбрасывается только два-три. На уроках не спрашивают — каждый спрашивает себя сам».

«В шестнадцать лет все мои сверстники будут особенными людьми — может, молодыми учеными. Именно в этом возрасте они начнут открывать новые планеты, земли, звезды и созвездия».

«Я считаю, что мой сверстник в будущем — это не какой-то особенный человек, которого можно показывать в музее. Человек, по-моему, всегда должен оставаться самим собой. Мой сверстник будет радоваться успеху своего друга и помогать ему в беде. Он будет серьезно относиться к своим делам и в то же время не останется равнодушным к судьбе другого человека и окружающего мира».

«Ребята будут учить много иностранных языков и смогут разговаривать с детьми почти всех стран».

«Последний урок никого не радует, а наоборот — разочаровывает. Ведь тогда, мне кажется, учиться будет всегда интересно».

«После уроков мой сверстник выйдет на улицу. Там будут стоять совершенно разные по конструкции дома совершенно разной окраски».

«На улице светло и тепло. Это на 86-м градусе северной широты светит искусственное солнце».

«Я не хочу фантазировать на тему, какие там будут дома и улицы. Мне просто хочется, чтобы сверстники будущего не знали, что такое «подворотня» и бесцельное стояние в подъездах. И что такое пьяные на вечерней улице».

«Ребята после школы катаются на велосипеде с электромотором, идут в стереокино, смотрят цветной телевизор, если он не надоел в школе, слушают музыку квадопроигрывателя».

«Мой сверстник так же, как и я, будет любить математику и часами заниматься ею после уроков. А потом — «плавать» в воздушном бассейне и собирать фотографии флоры и фауны планет Марса, Юпитера и Меркурия...»

«В библиотеках будут показывать фильмы о писателях...»

«Он придет домой, нажмет кнопку и появится нужный

спортивный инвентарь. Например, беговая дорожка — встал на нее и побежал».

«...Он первый раз оказался на Тихом океане. Перед ним — батискаф, сделанный ребятами его школы. Эта машина будет способна погружаться на глубину шесть тысяч метров. Он прочитал задание, данное на уроке: взять грунт с поверхности трещин океанского дна, обследовать неизвестный предмет конусообразной формы, определить скорость подводных течений».

«Его пускают на стадион бесплатно».

«В городе у ребят будет целый школьный городок. Из школы — прямо туда. Этот городок — с секциями, кружками, клубами, кафе — будет самым главным в городе».

«Будет такое кино, что зритель станет в нем участником. И на коне проскачет, и преступника поймают... Хотя тогда, наверное, преступников и не останется».

«А Дворцов спорта будет множество. И когда ты туда придешь, никто не скажет: «Надо бы тебе раньше прийти. Сейчас из тебя чемпиона уже поздно делать...»

«Интересно, как назовут будущий век. Наш называется веком атома, а будущий — веком космических полетов на самые дальние звезды. Да? Но каким же будет мой сверстник тогда?»

«Конечно, умный. Но это не самое главное. Добрым».

«И еще, по-моему, они будут больше нас любить природу. Почему? Да ведь никакая техника не заменит зеленого листа на дереве».

«Не останется бездомных кошек и собак».

«Конечно, наши сверстники XXI века будут больше знать и уметь. Может, они уже будут совершать космические полеты и им доверяют настоящие, а не игрушечные исследования. Но, конечно, они так же, как и мы, будут любить свой город, свою страну и своих друзей».

«Он будет засыпать, прислушиваясь к свисту звездолетов».

Это отрывки из сочинений: «Один день сверстника XXI века», которые написали ребята из школы № 33 города Магнитогорска.

Пока шел урок, скрипели перья (хотя, кажется, современные шариковые и не скрипят) и рождался этот один

день неведомого пока подростка из будущего века, я вышел на школьный двор.

Шел снег. Самый первый, еще слабый, неуверенный. Из школы выбежал мальчишка, покрутил головой в разные стороны, нагнулся, слепил снежок и запустил его прямо в небо.

«Да ведь как все близко! — вдруг мелькнуло в голове. — Как все невообразимо близко... Сколько там еще осталось до XXI века? Совсем немного! И ребята, которые уткнулись в тетрадки за партами, вступят в него еще совсем молодыми людьми — и сорока не будет...»

И неизвестно, как там будет, но обязательно выбежит на улицу какой-нибудь мальчишка, нагнется, слепит снежок и запустит его в небо! Связь времен не кончается. Даже в этом. Даже в этом...

Но главную связь времен поддерживаем все-таки мы, взрослые. Поддерживаем сегодня, когда в наши глаза пристально смотрят глаза наших детей.

И, значит, сколько ответственности на наших плечах.

И перед ними, которые растут сегодня.

И перед тем самым, уже близким будущим веком.

Смотрите, какой светлой, праздничной, умной видят сегодняшние ребята жизнь через двадцать лет!

Оправдаем же их надежды. Поможем им.

Нет у нас, взрослых, другого выхода, если мы думаем о тех, кто растет.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
«Во дворе, где каждый вечер...»	7
Жили-были...	15
Увлечения и «приключения»	24
Дом и детство	37
Подросток, время, мы...	44
«Галантерейный» вопрос	54
Лавина	61
«Спасатель»	78
Снежок в XXI веке	91

Юрий Петрович Щекочихин

ТРУДНЫЙ ПОДРОСТОК

Главный отраслевой редактор Р. Д. Станковская

Редактор О. Г. Свердлова

Младший редактор Т. М. Мурашова

Худож. редактор Т. С. Егорова

Художник В. А. Провалов

Техн. редактор Т. В. Пичугина

Корректор Р. С. Колокольчикова

ИБ № 2386

А07385. Индекс заказа 92111. Сдано в набор 10.08.79 г. Подписано к печати 5.10.79 г. Формат бумаги 70X100/32. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,90. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 453 470 экз. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 844. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.
Цена 14 коп.